

ИСТИННЫЙ БИОЛОГ

ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА ПОНОМАРЁВА: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ*

Лариса Анатольевна Пономарёва родилась в городе Тюмени в 1917 году. В 1927 году семья переехала в Нижний Новгород (с 1932 по 1990 год — город Горький).

В 1935 году Л.А. Пономарёва окончила образцовую среднюю полную школу им. Ульянова в городе Горьком. В свидетельстве об окончании школы Ларисе дана характеристика как человеку дисциплинированному, склонному к литературе и биологии, добросовестно выполнявшему общественную работу¹. В этом же году поступила на биологический факультет Горьковского государственного университета (ГГУ).

В 1938 году студентка 3-го курса Л.А. Пономарёва проходила практику на экспедиционном судне Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО)** «Персей» в Норвежском и Баренцевом морях. В ходе

экспедиции были собраны важные для рыболовства материалы. Дипломную работу «Влияние солёности на выживаемость некоторых пресноводных животных» Л.А. Пономарёва готовила в Астраханском заповеднике². Государственные экзамены сданы с оценками «отлично». В 1940 году окончила ГГУ по специальности «Зоология беспозвоночных» (кафедра профессора А.Д. Некрасова), получив диплом с отличием³.

Первое место работы Л.А. Пономарёвой после учебы — Карадагская биологическая станция АН УССР в поселке Отузы в Крыму⁴. Здесь и застала ее война. 1 июля 1941 года Л.А. Пономарёва подала заявление в райвоенкомат г. Судака о зачислении в армию добровольцем. В сентябре ее призвали и направили в 44-ю армию генерал-майора А.Н. Первухина, затем — в школу армейской разведки. В октябре 1941 года перевели в артиллерийскую батарею морской пехоты Азовской военной

* Публикация подготовлена по материалам архива Л.А. Пономаревой из фондов музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Музея Мирового океана (г. Калининград).

** Сейчас — Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

Л.А. Пономарёва

флотилии, в составе которой она участвовала в подготовке Керченско-Феодосийской операции. В начале декабря 1941 года попала в госпиталь № 1212 Северо-Кавказского военного округа с диагнозом: «Пулевое ранение верхней трети бедра без повреждения кости». По завершении лечения Л.А. Пономарёву направили в г. Краснодар на должность секретаря Военного трибунала. Через две недели попала под бомбежку. Контуженная, она оказалась в санитарном поезде, который доставил её в г. Фрунзе. Медицинской комиссией из армии уволена. Попытка вернуться в армию по комсомольскому призыву в мае 1942 года не увенчалась успехом. По состоянию здоровья как человека без военной специальности, но имеющего высшее образование, Л.А. Пономарёву сняли с военного учета⁵. В 1942 году она работала с марта по май в Киргизской республиканской конторе «Ветснабсбыт» (г. Фрунзе) заведующей складом биопрепаратов⁶, с июля по октябрь в Васильевском совхозе в должности заведующей биологической лабораторией⁷, занимавшейся проблемами прикладной энтомологии, затем вернулась в город Горький.

В 1942 году Л.А. Пономарёва поступила в аспирантуру ГГУ. В 1944 году Л.А. Пономарёва начала работать в Карской научной экспедиции Министерства рыбной промышленности, где предполагала собрать материалы для диссертации. В связи с осложнившейся военной обстановкой морские работы экспедиции были прекращены⁸. Диссертационная работа выпол-

нена Л.А. Пономарёвой по материалам лаборатории профессора Т.С. Расса⁹. В 1945 году по окончании аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию «Взаимоотношения северных сельдей рода Сеиреа» на «отлично». В 1945 году вступила в ВКП (б). В 1946 году ей присвоено звание старшего научного сотрудника¹⁰. После защиты диссертации Л.А. Пономарёва работала младшим научным сотрудником, затем — старшим научным сотрудником в Карской экспедиции, которую в 1948 году включили в состав Института океанологии АН СССР (ИОАН)¹¹.

В 1948 году работала в Сахалинском отделении Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО).

Л.А. Зенкевич пригласил Л.А. Пономарёву на работу ведущим биологом в Институт океанологии.

Своей главной темой — эвфаузидами она начала заниматься в 1952—1953 годах.

В 1957 году окончила вечерний институт марксизма-ленинизма.

В 1959 году на международном океанографическом конгрессе в США Л.А. Пономарёва выступила с докладом на тему: «Эвфаузиидный планктон северо-западной части Тихого океана и дальневосточных морей». В этом же году Л.А. Пономарёву командировали в Институт океанологии Академии наук Китайской народной республики в качестве эксперта¹².

СЕМЬЯ

Священник А. Пономарёв (дед Л.А. Пономарёвой по линии отца)

Священник Е. Грязнов (дед Л.А. Пономарёвой по линии матери)

В 1969 году Л.А. Пономарёва защитила докторскую диссертацию.

Л.А. Пономарёва — участница 20 экспедиций научно-исследовательского судна (НИС) «Витязь» и более чем 30 экспедиций других НИС АН СССР и Российской Академии наук. В экспедициях на «Витязе» принимала участие как начальник отряда планктона, заместитель начальника экспедиции, начальник экспедиции. Л.А. Пономарёва — единственная женщина, руководившая рядом научно-исследовательских морских экспедиций. Опубликовала 130 научных работ,

в том числе 3 монографии. Последние годы активно занималась изучением криля.

Награждена знаком «Отличник рыбной промышленности», орденом Трудового Красного Знамени (1980), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне», «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне», «300 лет Российскому флоту», «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы».

¹ МННГУиНВ-3165.

² МННГУиНВ-2334.

³ МННГУиКП-1805, МННГУиНВ-2352.

⁴ МННГУиНВ-2337.

⁵ Воспоминания Л.А. Пономарёвой. Фонды музея ННГУ.

⁶ МННГУиНВ-2345.

⁷ МННГУиНВ-2346.

⁸ МННГУиНВ-2334.

⁹ МННГУиКП-3164.

¹⁰ МННГУиНВ-2337, -2351.

¹¹ МННГУиНВ-2337.

¹² МННГУиНВ-2337.

Семья Пономарёвых

Выпускницы Тобольского епархиального училища. К.Е. Грязнова — в первом ряду слева

Город Тюмень. Правый берег Туры. Пароход «Леонид» и элеваторный взвоз (внизу) и Ильинская улица от Ильинской церкви до дома А.В. Колмакова (вверху). 1910–1912 годы

Город Тюмень. На правом берегу р. Туры (слева направо): Ильинский женский монастырь, 2-этажный особняк Колмаковых, водопроводная паровая станция фирмы «Густова» и Народный Дом. 1880-е годы

Выписка из метрической книги родившихся в 1917 году, выданная причтом Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви. ММО 1 № 6748-1. Из фондов Музея Мирового океана.

Запись № 121 о том, 26 августа родилась и 28 августа крещена Лариса Пономарёва, названная в честь мученицы ларисы (день поименования — 26 марта). Родители — прапорщик 35 Сибирского Стрелкового полка Анатолий Александрович Пономарёв и законная жена его Клавдия Евфимовна, оба православные. Восприемники — Градо-Тобольской Воскресенской церкви протоиерей Александр Иванович Пономарев и жена прапорщика Агния Александровна Удинцова. Обряд совершили — Священник Иоанн Грифцов с псаломщиком Пересветом (?) Поповым.

Свидетельствуют Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви священник Иоанн Грифцов (подпись), псаломщик Пересвет (?) Попов.

С подлинной верно. 1917 года 3 сентября. № 224

*Богородице-Рождественский Ильинский монастырь в Тюмени.
На переднем плане церковь Ильи Пророка. 2018 год*

*Город Тюмень. Улица 25-го Октября (бывшая Ильинская),
на которой располагается церковь Ильи Пророка.
2019 год. <https://www.google.ru/maps>*

*Город Тюмень. Ул. Ильинская. По левой стороне –
Народный дом (сейчас – резиденция губернатора),
Ильинская церковь. 1910 год*

ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

А. А. Пономарёв (справа) с товарищами по учебе в Московской индустриальной школе

А. А. и К.Е. Пономарёвы

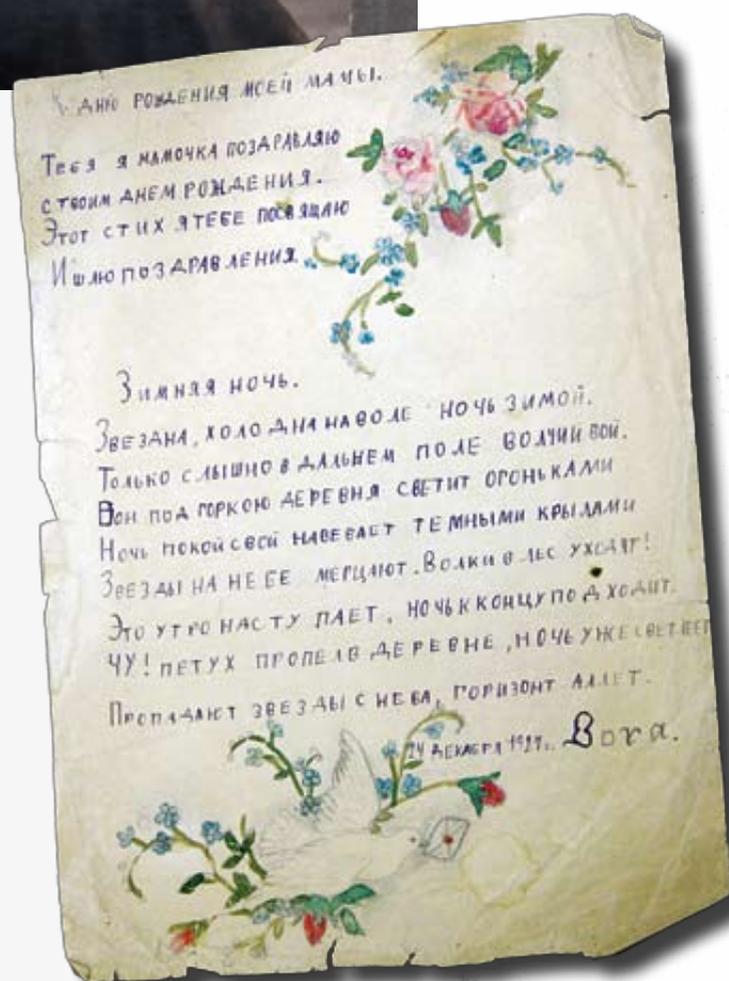
Лариса Пономарёва. 4 года 8 месяцев 1922 год

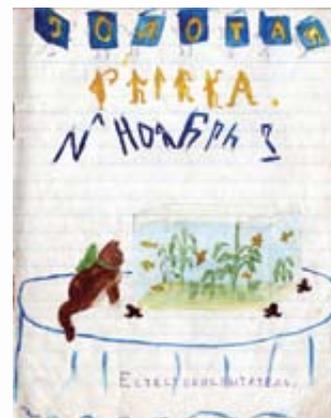

Клавдия Ефимовна и Лариса Пономарёвы

Лариса Пономарёва. 9 лет

Рукописный журнал «Золотая рыбка»

Каникулы в Крыму.
 (окончание)
 Море и его обитатели поразили и заинтересовали меня очень сильно: ~~в~~ море и очень много его обитателей я видела в первый раз. Первый житель моря, который я увидела живым — была рыба скумбрия. Ее рыбаки вытаскивали из сетей. Она очень красивая: брюшко у нее полусвое, а спина синяя, с черными полосами. Видела так-же серо-зеленоватых крабов. Их водилось много под камнями. Маленьких были с мой коготь.

Море.
 Море лазурное, море привольное
 шумит прибой твоих волн.
 В дни ветроные косматыми гривами
 пенимый рисует узор.

Водились в море так же прозрачные медузы и рыбки-бычки. Видела я раз даже морскую змею. Дело было так: я с мамой шла по берегу моря и увидела, что в воде лежит змея, спрятав голову под водоросли. Серая, с большим и черными пятнами, редко расположена крив и по спине. Когда я ее спулила, она поплыла в глубь моря. Поплыла так быстро, что я так и не увидела ее голову. Еще видела живых животных: моллюска, морского конька, дельфина и рыбу барабульку. В поездке в Крым я буду помнить всю жизнь.
 олп

Ученики третьей группы школы им. 1 мая.
Лариса Пономарёва – в третьем ряду 2-я слева. Нижний Новгород. 1929 год

Ученицы 7 «В» класса школы им. 1 мая.
Лариса Пономарёва – во втором ряду слева.
Нижний Новгород. 1932 год

Ученики 9 класса школы им. Ульянова, участники спектакля по пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор». Лариса Пономарёва — 4-я слева. Город Горький. 1934 год

Н.С.С.С.Р.
НАРОДНЫЙ КОМПЕТЕНЦИОНАЛ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Примечание: под строчкой «подпись»

Свидетельство

об окончании средней школы имени Ульянова

Предъявитель сего Пономарёва Лариса Алексеевна
родившаяся 2.04.1917 в 1917 году, поступила в школу в 1933 году,
окончила ее в 1935 году.

Пономарёва Лариса проявила следующую успеваемость:

1. Русский яз. и литература	<u>хорошо</u>
2. Иностранный яз.	<u>хорошо</u>
3. Математика	<u>удовлетворительно</u>
4. Обществоведение	<u>хорошо</u>
5. География	<u>хорошо</u>
6. История	<u>хорошо</u>
7. Физика	<u>удовлетворительно</u>
8. Биология	<u>хорошо</u>
9. Химия	<u>хорошо</u>
10. Труд	<u>хорошо</u>
11. Физкультура	
12. Черчение	<u>удовлетворительно</u>
13. Рисование	<u>хорошо</u>
14. Музы	<u>удовлетворительно</u>
15. Геология	<u>хорошо</u>
16. Астрономия	<u>хорошо</u>

Характеристика: высококвалифицирована, имеет excellent
и самостоятельную работу, высочайшее качество.

Директор школы В.И. Сидоров
Зам. уч. частью М.И. Сидорова
Члены школьного совета М.И. Сидорова
Секретарь М.И. Сидорова

Полтавск., г. Горький, Завод № 10238, Тел. 1509 кв. 04

Справка
Лариса Пономарёва, о том, что за время пребывания в школе имени Ульянова она проявила большую активность в работе кружка «Ванюши». Показала она в качестве председателя кружка и проявила организационные способности и большой интерес к делу.

Директор школы В.И. Сидоров
Зам. уч. частью М.И. Сидорова
Члены школьного совета М.И. Сидорова
Секретарь М.И. Сидорова

НАША ОРАНЖЕРЕЯ

Вьюн

Точно вьюн я обвиваюсь
И к полезным всем ласкаюсь,
Часто гнусь, но не ломаюсь.

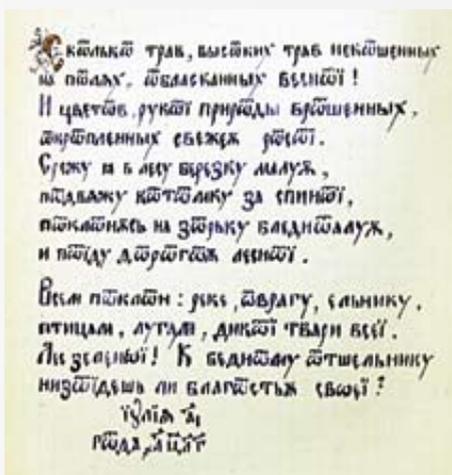
Гвоздика

Цветет гвоздика яркая под солнцем электрическим,
Цветет и на собраниях, как в воздухе тропическом.
Собрания приятны ей, как волку ночь осенняя.
Она читает классиков, читает и Есенина.

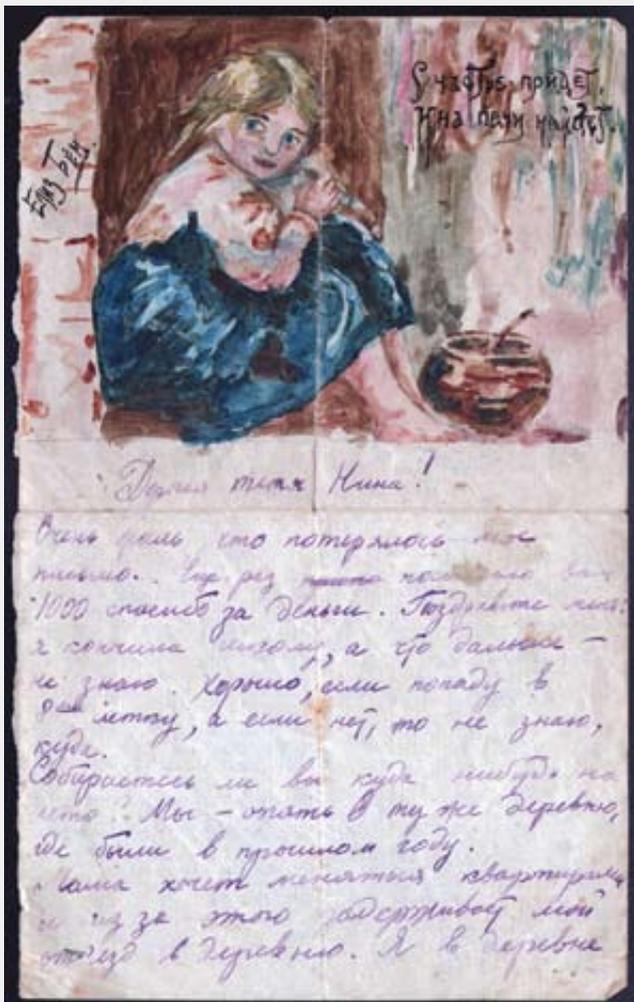
Левкой

Есть в саду у нас левкой,
Замечательный такой,
На кого лишь он не взглянет,
тотчас тот цветок завянет.
Вот какой, вот какой
Замечательный левкой!

Школа, урок труда

Рисунки
и стихотворения
Ларисы Пономарёвой.
1932–1934 годы

буду наблюдать и собирать
наших. Думаю хорошо провести
время.
Тетя Нина, напишите мне
пожалуйста на отдельном
листочке стихотворение для
моей тетради стихов, как у
я сама пишу - как мама
когда-то - стихотворение, как
вам нравится. Буду очень
благодарна.
Я бы еще собирала открытки,
и в короткое время собрало
довольно много их, и фальш
альбом Претяжковой гильдии
цветного советского издания.
Очень благодарна, что вы обо
мне заботитесь на эту тему.
Только мне открытки трудно
добывать, но мне интереснее их
собирать. В магазинах хороших
нет и я хожу по базарам, покупаю
старинные. Картинку
в начале письма я рисовала
с открытке Елиз. Бин, открытки
которой всегда изображают ребят
и с пословицами. Тетя много
много благодарна, но не на то.
Помните пожалуйста и спасибо а по
3 мая 1931. Прощай тетя Нина.
Лариса

Письмо Ларисы Пономарёвой
тете Нине от 12 июня 1931 года

ПРОКУРОРУ СССР.

Г-же ПРОМАРЪЕВой Клавье
Кремль, пр. Г. Горькой,
уд. № 117А, д. Коммуна, корпус
У-В № 147.

З А Я В Л Е Н И Е.

7/7-35р. прошениями Клавье Советского Контроля СССР в Германии коллегией коллегии адвокатов и адвокатов в своем лиц, дела с которых выданы в органы НКВД для проверки.

Необходимость такою проверке возникла в связи с возбуждением уголовного дела против некоторых членов коллегии адвокатов с неурядицами в отношении таковы.

Так как, начиная с 1937 г. являлась в Плевнерской, затем Германской коллегии адвокатов, являлась руководителем деловой и коллегией по адвокатов, индивидуальным адвокатом по работе по всем делам, что, конечно, единственношким комитетом, которое дало основание Клавье Советского Контроля для вынесения мне в отделе издательства для проверки в органы НКВД, выданным мне предпис: а/ мое производство в б/ моя работа в Сибире в момент выхода ее Кавказам.

То и другое произойдет соответственно 7 раз.

1-й раз Красной профессурой совместно с судом был произведен в 1935 г. первоначально до следствия и отведено 40 часовых и в их числе выданы по делу. 2-й раз в 1940 г. Комиссией по проверке, данной мне в качестве, которая красной комиссией была выдана, в НАРОДНОМ КСН ВОСТАВЛЕНА МОИ в отношении ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ адвокатов. 3-й раз в 1935г. Комиссией по проверке, при чем и Честу прили без отрыва.

К.Е. Пономарёва. 1938 год

В 1939г. по поручению Коммунистическим ином организациям была с предств. членом выдана. Сдел в Сибире при помощи индивидуальной консултации в 5-и в Восточные при Радике.

В 1940-41г. работала адвокатом Административного отдела в отделе Совета Ревизионности Германии. Германия, где производил ряд обследований и иных деловых по поручению Совета.

В НАКТО в 1940, где в связи по поручению в дом Коммуны и в 1941 г. и по 19/4-45 г. была членом Президиума в деле беспартийно все дела Президиума НАКТО, в связи производил все дела вышних, напр. инвентаризация.

В отделе связи с Административным отделом в м.б. являлась инвентаризация, при чем в 1940 г. была председателем коллегии Советского контроля НАРОДНОМ.

Являлась по делу отделе связи с НАКТО, что ЗА ИНИЦИАТИВА СОВЕТА НАРОДНОМ ТАК РАБОТА НА РАЙОНЕ ДОНОВО-ПРОМЫШЛЕННО-ПРОМЫШЛЕННОМ, являлась по отделе, что проводил инвентаризация, деле ревизионно-инвентаризация административная была ревизионной, что работала в ней в то время не была участником.

В этом 15-летнем деле работы, по мере 14 лет в органы в отделе связи с коллегией адвокатов и 18 инвентаризация. Деле также производил 10-летнюю частной работы инвентаризация связи производил. Деле по проверке являлась председателем, и в инвентаризация время связи с работами м.б. буду производил. Вместе со мной отделе над деле ревизионной инвентаризация, также что инвентаризация документацию и не являлась теперь инвентаризация инвентаризация свое образование.

По инвентаризации основания, проку НКТО г-н прокурор следств вышестоящих от себя ревизионная в отношении дела по моей работе производил.

ин. инвентаризация.

Моя авторская работа, и работа в 1935 г. по делу о семье убитого сапелана / являюсь адвокатом /, работала по делу о отце и матери в 1935 г. далее, мои дела по адвокатские деловые дела по профессии юриста. Фактически образование и получила в г. Тобольске, затем получила адвокатские аттестаты и являлась участником деловых. Училась и работала адвокатом в Сибире являлась председателем факультета Новосибирского Университета в 1947 г. была деловыми делами по делу 1-й Индустриальной школы инвентаризация в России и инвентаризация. В 1947 г. в Москве уехала на работу, где осенью 1947 г. у меня родился дочь, в настоящее время являющаяся 10-летку.

В 1948 г. была выдана в адвокатуру, в ТО НКВД СССР ПРОМЫШЛЕННИ в г. Тобольске, практику являюсь очень инвентаризация, в инвентаризация бесплатно, а инвентаризация была, предств 4-месяца, удела и являлась частным юристом инвентаризация.

В 1949 г. поступила секретарем Губернского в Губернский кан в г. Томск, затем уже в 1949 г. начала работать по специальности, в инвентаризация получила специальность инвентаризация -Рубин Томск Отдел., и затем переехала в только что организованную в 1950г. коллегию адвокатов в Томск, где была избрана в Президиум. Работала в коллегии до 1955 г. с 1955г.-1957г. была председателем Президиума, отделила до 7 января в февраль. С 1957 г. и по настоящее время работала в Германской коллегии адвокатов. Индивидуальных адвокатов по мое время работы являюсь инвентаризация. На работу в отделе связи с работами инвентаризация инвентаризация инвентаризация в 1954 г. получила несколько времени и была инвентаризация инвентаризация.

С 1957-59 г. работала бесплатно в только, что организованной коллегии адвокатов инвентаризация инвентаризация при Коммунистическом.

ПРОМЫШЛЕННИ: 1/ получение с отделе связи, 2/ отделе связи инвентаризация, 3/ отделе связи об отделе связи у меня инвентаризация инвентаризация, 4/ получение инвентаризация, 5/ получение инвентаризация, 6/ получение инвентаризация, 7/ получение инвентаризация, 8/ получение инвентаризация, 9/ получение инвентаризация, 10/ получение инвентаризация.

3 июля 1935 г. К.Е. Пономарёва.

Заявление К.Е. Пономарёвой прокурору СССР от 3 июля 1935 года

О семье

Мать Ларисы Анатольевны — Клавдия Ефимовна — родилась в семье униатского (единоверческого) священника, служившего в Тобольске, здесь она получила среднее образование, окончила стенографические курсы, затем поступила в Московский университет на юридический факультет и после его окончания в 1916 году вернулась на родину в Тобольск. Осенью 1917 года в городе Тюмени у нее родилась дочь Лариса. Детские годы Ларисы прошли в Тобольске. В 1927 году мать Пономаревой была направлена на работу в Нижегородскую коллегию защитников. В 1935 году Лариса поступила в Нижегородский университет (НГУ) на биологический факультет. Лариса Анатольевна всегда с теплотой вспоминала Тобольск, атмосферу родного дома, сестер матери, писала им письма, несколько раз ей посчастливилось совершить поездки по родным местам, об этом она писала в своем дневнике. По тем временам эти далекие поездки не обходились без приключений.

Лариса Анатольевна всю жизнь собирала сведения о своей семье, а это было непросто, т.к. ее мать подвергалась многократным проверкам из-за того, что работала в адвокатуре во время захвата Сибири Колчаком. Это обстоятельство могло негативно повлиять на судьбу дочери. Однако Ларису Анатольевну приняли в Нижегородский университет.

В архиве Л.А. Пономаревой, хранящемся в Музее ННГУ, находятся незавершенные воспоминания (О.Е. Грязновой ?) родной тети Ларисы и детское письмо племянницы к ней. Тетя пишет о семейном воспитании. «Мое детство, юность прошли в городе Тобольске. Наша мать (бабушка Л.А. Пономаревой) была хорошая хозяйка, большая труженица. Детей очень любила и воспитывала очень разумно, помогала в подготовке уроков. К экзамену готовила детей сама. В школу мы, когда поступали, держали экзамен за три класса, учились 6 лет. Детей она приучала к труду: учила шить, работать в огороде, а в праздники будила — и на кухню стряпать: тесто делать — пирожки, шанежки и булочки.

Отец (дедушка Л.А. Пономаревой) был замечательный человек. Я очень любила с ним разговаривать. Он никогда ни на кого не кричал. Он был всегда спокойный человек. Но если кто провинится, то вразумит спокойно и требовательно. Он имел большую библиотеку, был заведующим всеми церковно-приходскими школами, заботливо снабжал школы всем необходимым, даже открывал сельские школы и устраивал елки детям. Я получила от него урок на всю жизнь. Он поручал мне купить все для елки, вызывал учителя и поручал ему устроить для детей елку. Иногда приглашал товарища брата из пансиона и старался подкормить всех хорошо, говоря мне: “Маричка, подкорми их хорошо”. Собирались ребята, пели, угощались и хорошо проводили время».

Л.В. Ведерникова

О.Е. Грязнова (тетя Л.А. Пономарёвой)

Из дневника Л.А. Пономарёвой О поездке в Тюмень и Тобольск

Мною овладевает постепенно «поездная» горячка. Самое чудесное настроение: «Кого-то нет, кого-то жаль, куда-то сердце рвется в даль...»

До сих пор не выяснили, парходом или поездом едем.

Сегодня отдавали кота бабушке. Черт возьми, отчего это я так к животным привязываюсь? Ключам гораздо меньше, т.е. не меньше, но реже. Такая я уж дрянь. Надеюсь, что кот у бабушки сохранится, а если приживется, то я бы и совсем его оставила, а то он очень затосковал в городе, не видя земли и «лица» кошачьего.

Доходят уже четвертые сутки нашего путешествия. Вчера ночью мы приехали в Тюмень. За эти девять лет моего отсутствия она почти не изменилась. Построили несколько новых зданий, разбили несколько скверов, асфальтировали главную улицу. По-прежнему везде деревянные тротуары, трава на улицах, извозчики с «коробками». На банях до сих пор стерта первая буква — получается «ани». Что хорошо — это оба вокзала, железнодорожный и водный, на первом круглые сутки действует справочное бюро и буфет, на втором — можно спать — не гонят — это большая редкость.

В Тобольск мы отправились в полдень. Почти един-

ственный способ сообщения с Тобольском — это ползание на плоскодонках — очень маленьких парходиках, могущих пройти по очень мелкому месту. Парходные нравы любопытны, начать с того, что билеты продавали на парход, когда он еще стоял на ремонте и опаздывал с отплытием на 3 часа. Поплыли мы во втором классе, но, вопреки общепринятому, это оказалась каюта на 5 человек под палубой, очень жесткая. Нам предполагалось проплыть 440 км.

Река Тура узка, метров 50. Парход идет все время как по озелененной улице: фарватер указывается двумя рядами зеленых вех, отстоящих близко одна от другой. Берега: один совсем пологий, другой — метров пять высотой. Пологий зарос тальником, крутой покрыт лиственным лесом. Безлюдье. Селения встречаются на расстоянии 50 км одно от другого. За 280 км пути мы остановились только два раза. Характер деревень совершенно сибирский — соломы не видно.

Река Тобол немного шире Туры. За все время пути встретили только один парход. Пристаней нет, пристают кормой, с носа кидают чалку, а с кормы — трап. Парход привязывают к дереву, как корову. На берегу татарки продают молоко, огурцы и черемуху. Однажды сели на мель, «поймали носом», как здесь говорят. Капитанам небольших сибирских рек куда труднее, чем капитанам больших европейских. Наш капитан (маленький и в очень ярких носках) был неистощим по

ТОБОЛЬСК

части придумывания способов схождения с мели, когда ни задний ход, ни толкание баграми не помогли, он ссадил двух своих матросов на берег, они взяли пароход на канат и оттащили его с мелководья. Встречается много птиц, больше всего ласточек-береговушек, затем стаи серых ворон. Много северных больших чаек и крачек. Несколько раз видела уток, каких — не знаю. Несколько раз видела куликов — зуйков малых, очевидно. Один раз видела стайку куликов-сорок.

Подплыли к Tobolsku. Километрах в трех выше его сливаются Tobol и Иртыш, получается очень большая река, серая, быстро текущая, пустынная.

Tobolsk стоит на высокой горе, но наиболее оживленная (торгово-культурная) часть города находится под горой.

Сейчас во всей Сибири засуха. В Tobolske после снега был только один дождь. Картофель не зацветает, хлеб плох. Земляника еще только начинается. Основная ягода здесь — черемуха. Из нее делают очень вкусную штуку — черемуховую муку, которая запомнилась мне с детства.

Горят леса. Даже в городе такой дым, что за 50 м уже ничего не видно. Дым и мгла засухи мешаются так, что солнца не видно, появляется оно под вечер: малиновое, очерченное кругом, без лучей, и — не заходит, а тает. Луна огромная, красная, низко от горизонта, тоже не светит.

Общее впечатление о Tobolske: город разрушающийся, если не вымирающий, то умирающий. Ценные исторические памятники (Кремль) не ремонтируются. Памятник Ермаку лишен ограды, дает трещины, рощу вокруг него вырубают. За могилами декабристов — никакого ухода, как и за всем кладбищем. Только шведская арка содержится хорошо, да и то потому, что это главнейший подъём в город. И музей все-таки приличен.

Один раз была в лесу. Лес от нашего рознится присутствием кедров и отсутствием ясеней, лип и кленов. Энтомо-фауна тоже почти отсутствует. Объясняю засухой. Из цветов — преобладает Иван-чай. Птиц здесь не слышно и не видно.

Из Tobolska долгое время не могли выбраться. Из-за засухи прекратилась навигация. Другой способ добраться — бешеная тряска в автобусе. Автобус — просто фанерная колымага, куда вещей и людей натиastoвают как сельдей в бочку. Малюсенькие окна высоко под потолком. Тряска невероятная. Лучше было стоять, но даже не особенно высокие люди часто стукались головой. 300 верст автобусом — не ахти. Дорога малоинтересная — полуобгорелая тайга. Я как-то видела пылающий верховой столб, который забрасывали песком.

Окончательное впечатление о Tobolske: стоит серый город над серой пустынной рекой и спит. Спит со времен Ермака Тимофеевича, когда проснется — неизвестно.

Были в Свердловске. Мало новых красивых зданий. Город не красивее, но куда социалистичней нашего. Мне очень понравились здание музкомедии, городок НКВД и особенно здание ОГПУ. Ходят трамваи, но улицы не асфальтированы, а убиты камнем, что дешевле здесь. Магазинов гораздо больше нашего. Есть универсам вроде московского, в нем есть действительно все, но денег у нас уже не было, и мы не могли ничего купить.

Теперь у меня по всей Сибири родня: в Чите, в Хабаровске, Омске, Новосибирске, Свердловске. Дядя Петя подарил мне очень хорошие сапоги «бурылы», и, главное, на мою ногу. Я считаю подарок очень ценным, для путешествий и экспедиций «бурылы» незаменимы.

УНИВЕРСИТЕТ

Из дневника Л. Пономарёвой

Учеба

Я ведь не умею решать задачи по химии, вот в чем беда. Многие не умеют. В прошлом году Дьячковский «засыпал» целую группу, сказал: «Пойдите, погуляйте». Я думаю, что это издевательство...

Вечером выпускали стенгазету «Биолог». Я рисовала три карикатуры: как геоботаники IV курса каждый год хотят менять специальность, как проходил диктант в ГГУ, как I курс спит и видит «охи» и «хоры» (оценки «очень хорошо» и «хорошо») и каково будет пробуждение? Разошлись в час ночи, и то еще не закончили, потому что Нина кокетничала с Максимовым (IV курс, геоботаник), Рита флиртовала с кем-то по телефону.

Говорят, Дьячковский с утра был в хорошем настроении. А ведь наш зачет у него последний, да, вдобавок, вечером, воображаю, как он будет зол. Говорят, что химию сдать — дело случая. По всем преподавателям

можно угадать, кто как сдаст, но у Дьячковского — никогда!

К пяти наш «клан» появился у дверей мрачной 12 аудитории. Потом еще подошли другие. Дьячковский был уже там, допринимал «засыпанных» химиков. Я первая получила билет, отвечала вторая. Билет был: сера, бром и задача, каких мы не делали. Я зверски засыпалась у Дьячковского. Я не ответила, где у нас получают серу, каково главное свойство H_2SO_4 и перепутала бром с бором. На любом из этих вопросов он «садит». Он спросил меня и по географии: где Луизиана, Сицилия и какой на ней вулкан. Уж это-то я знаю получше химии. После моего ответа он подумал и сказал: «Что же вам поставить? Поставлю «хор» — бойко отвечаете». Не помня себя от счастья, я вылетела за дверь. Невозможно описать состояние после сдачи. В школе так не бывает...

Старейшие научные работники Горьковского государственного университета (слева направо): профессора — Н. П. Красиский, С. И. Дьячковский, А. Д. Некрасов и А. Г. Майер, ректор университета профессор А. Н. Мельниченко, профессор Д. С. Аверкиев и член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук профессор С. И. Архангельский.

Фото П. Мозжухина.

Новый год встречать по-военному мне нравится больше, чем сам Сперанский (преподаватель военной подготовки). Разбирали винтовку.

А нынче мы ходили в тир. Мне очень там понравилось. Очень уютно и винтовочки такие приятные. Сдавали первое упражнение по стрельбе: на 25 м не выйти из 4-го круга. У меня лучшие результаты после Бондаренко, если не считать Шуру — она даже на соревнованиях выступала. Из всего курса — в центр только 10 попаданий.

Опять были в тире, стреляли на 50 м, и никто не сдал. У меня 4,5 — это еще совсем хорошо. Очень хотела бы завести винтовку. Винтовка стоит 115 руб. Петя пожертвовал мне 6 патронов.

У нас в Горьком начался съезд колхозников-ударников. Все делегаты пришли в город на лыжах. Уговорила Марусю (Рудакову) поехать на лыжах: часа два катались в Пушкинском саду. Маруся совсем плохо катается. У меня лопнул ремень, и это очень мешало. Тем более что выехала я на новых лыжах.

Вчера целый день делала ремни (пяточные) для лыж, вышли хорошие. Сегодня опять для лыж сшила варежки. Мама мне купила хороший лыжный костюм — очень рада, а то уж и на каток не в чем показаться.

Днем был урок физкультуры на лыжах; ездили на откос. С удовольствием обнаружила, что по лыжам я одна из первых — не только среди девочек, но и даже среди ребят. Саше я предложила погоняться, он сначала не мог меня догнать, несмотря на разницу наших сил, но потом я устала, и он меня догнал. Прилично катается только Прозоров.

Мы сдавали нормы по лыжам. Мое время самое лучшее — 3 км за 19 мин., я же его считаю недостаточным. Из девчат сдали нормы только двое. У ребят еще хуже дело. Им надо было пройти 9 км за 1 час 5 мин. Только Саша сдал норму, большинство же прошло только 6 км.

Вечером была на катке с Галаясом. На «Динамо» теперь по третьим и пятым дням много наших, потому что пускают бесплатно (спасибо конькобежной секции). На катке была и Таня, очень жаль, что я ее не словила. Зато с ней катались «сормовские» ребята, которые раньше с ней учились. Она время проводит как богатенькая английская девушка: спорт, танцы и флирт. Этим занят день, и на учебу времени не остается, очень жаль, испортилась девочка!

В свободное время читаю «Историю искусств» Гнедича, т. I в 600 страниц — от Египта до Эпохи Возрождения. Очень нравится, но, пожалуй, у нее слишком уж популярный характер.

Неручев (преподаватель) очень хорош. Он вообще очень хороший человек, у него только один видимый недостаток: смеется на опросах. Он и на этот раз не мог сдержаться. Впрочем, мне он психологически по-

**◆ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ИМЕНА**

Н. А. ПОКРОВСКИЙ

Горьковским ученым-естественникам хорошо известно имя Николая Александровича Покровского, который заведовал ботаническим отделом Нижегородского естественно-исторического музея, основанного В. В. Докучаевым.

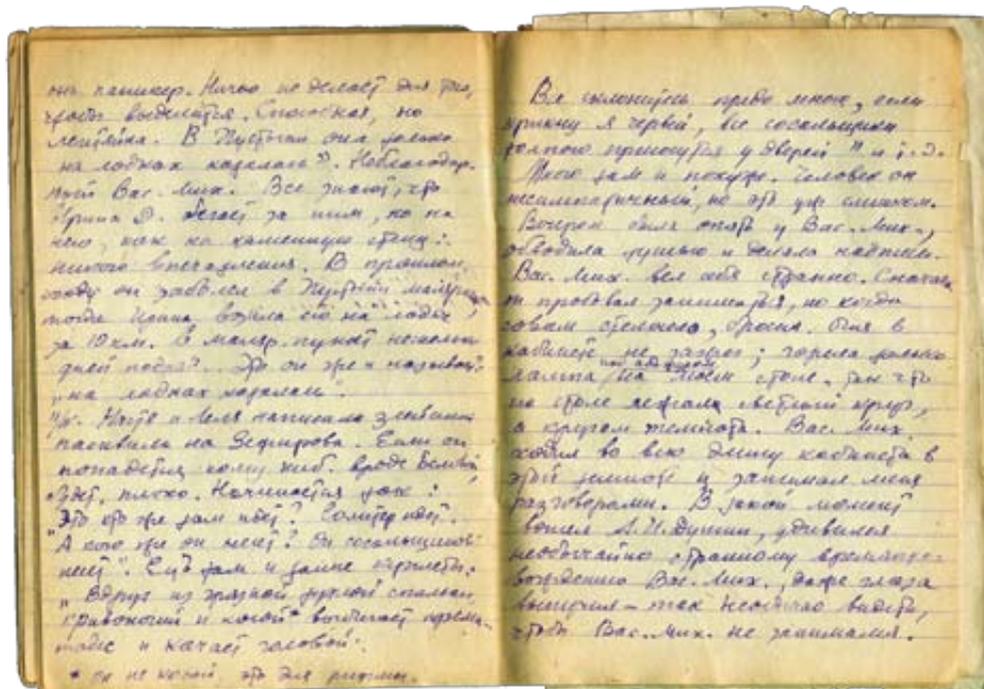
Он был родом из нижегородцев, какое-то время учился в Петербургском университете, но, не окончив курса, вернулся в провинцию и посвятил себя краеведению. В одиночку или с немногими добровольными помощниками собирал образцы средневожской фауны и флоры, материалы по геологии и почвоведению и систематизировал их в своем маленьком музее.

Знания о природе района на долгие годы он приобрел весьма солидные, так что приезжавшие из столиц ученые не раз пользовались его советами и накопленными данными. Человек замкнутый по своему характеру, он тем не менее любил возиться со школьниками, и дети тянулись к хранителю музея.

Н. А. Покровский первым поставил вопрос об охране памятников природы в Нижегородской губернии, а теперь под охрану их взяты сотни. Опубликованные им работы относятся к растительному миру края.

Л. ТРУБЕ.

Рис. К. Днесперова.

Страницы дневника
Л.А. Пономарёвой

Студенты ГГУ. Л.А. Пономарёва — 2-я слева. 1938 год. Из фондов ММО

мог: когда я начала волноваться, соображая, он ободряюще кивнул и улыбнулся, волноваться я перестала. Из нашего «клана»: Аля, я, Таня, Галя, Маруся. Я ответила на «отлично», остальные — на «хорошо». Маруся — не знаю как, мы вчетвером тотчас ушли на Ульяновскую.

Вчера и сегодня я узнала, что значит быть счастливой. Это необыкновенно. Мы с Галяусом ходили по улицам как пьяные, таскаемые «резвой» Лерой, которая общалась встречным: «Вот Галя с Ларой перешли на 2-й семестр». Беспричинно хохотали и ничего не понимали. Впрочем, все это больше относится ко мне.

Фотография. А.Д. Некрасов возле экспонатов в зоомузее ГГУ. 1948 год. Из фондов ММО

Каникулы идут быстро — летят прямо, да и все время летит. Скучно все же дома, хочется в вуз, когда в вузе учишься, на каникулах хоть давайся. Мне для развеяния грусти-тоски нужна бесконечная смена впечатлений — недаром я люблю ездить.

Не успели оглянуться — как перевалили на второй семестр. Вчера были у Николая Ал., занимались физкультурой, как он выражается, т.е. переставляли трофеи экспедиций. Потом разбирали содержимое желудка глухарки. По зоологии у меня откуда-то «ох». Меня перевели в ударники. Приходил проф. Четвериков, очень он славный старикан. Говорили про его живородок. Потом он с Николаем Ал. стал спорить о муравьях (он ведь энтомолог — это его вторая специальность), а мы хлопали глазами, ничего не понимая в латинщине. Кроме нас четверых в здании был еще Душин. Он очень удивился, увидев нас здесь в такой холод, и засмеялся: старая любовь не ржавеет...

На практических занятиях по физиологии животных. Л.А. Пономарёва — 2-я слева. 1938 год. Из фондов ММО

Вечером были с Галяусом на «Человеке-невидимке» — очень хороший фильм. Ночевала не дома, а у Галяуса, занимались до двенадцати, потом до двух ночи я читала интересную книгу, которую мне дали: «Гнев Диониса».

Также достала и прочла «Как закалялась сталь». Мнение мое хорошее. Очень простой и легкий язык — это уже очень много. Много есть хороших мест. Одно только: это ведь биографическая повесть, а такие обычно лучше всего удаются.

Ввели морфологию растений, читает С.С. Станков. Он очень хорошо читает и интересно, только невыразительно.

Старая Пустынь

Сдала на «ох». Едем в Пустынь девятого июля в 12 часов ночи.

Вот уже четвертый день как мы в Пустыни. Действительно, это прекрасное место. Приехали мы десятого, в Пустынь пришли часов в 11 утра. Первыми пришли я, Шура Б., Люся К. и Димка Федяй. Биостанция помещается недалеко от села, на сравнительно высоком берегу озера Великое. Само здание биостанции длинное, серое, одноэтажное. Там лаборатория, живут научные работники и дипломники. Затем еще два дома общежития и столовая. Нас встретили у дома Вас. Мих., Николай Алексеевич и Фека (Ф.Д. Шапошников. — *Ред.*). Последний был не очень-то рад нашествию такого количества народа (40 чел.), что я узнала потом.

Потом выбежала Нина, увидела меня и крикнула: «Слона-то я и не приметила!». Это потому я «слон», что с I курса только про меня, Галину и Федяя говорят, что мы «истинные биологи» — есть на биофаке такое выражение.

Мы выбрали себе общежитие. В нашей комнате 8 человек: девчата из Сормова, Молитовки, Наташа Шитова и я. Затем выяснилось, что напрасно я не взяла брюк (впрочем, Наташа мне отдала свои, они ей малы), напрасно взяла сахар, хотя кормят очень неважно — еле в рот лезет, и моя самая главная ошибка — отсутствие полога от комаров. Эту ошибку надо было исправлять. Рая Зарецкая из соседней комнаты помогла сшить мне полог из простыни и кусков марли. Затем я пошла купаться, и потом девчата мне сказали, что Николай Алексеевич меня искал и ушел в лес. Я пошла его разыскивать, скоро нашла его и Феку, тут он меня и познакомил с Фекой, а тот позвал меня ехать в старое русло реки Сережи вечером. После ужина поехали мы трое и Нина.

Видели цаплю, кучу уток — и тягу вальдшнепа, хотя уже давно не время. Вальдшнеп летал долго и близко, хоркал и цикал. Напоминало картины Муравьева. Я радовалась, что с нами нет Глеба Кипарисова: тот ничего не дал бы посмотреть. Фека же совсем не такой, он более натуралист, в нем есть настоящее чувство природы, насколько я понимаю.

Мы ехали долго по страшно заросшему болоту. Потом подъехали к какому-то плетню (такие здесь делают рыбаки в узких местах и в просветах ставят верши), в сумерках Фека и Николай Алексеевич стали стрелять летучих мышей, убили одну. Приехали часов в двенадцать. С Галиной у нас восстановлены прежние отношения.

На другой день уже начались занятия. Утром огласили правила внутреннего распорядка, существенными частями правил было постановление о лодках (заявки) и запрещение плавать на озеро Свято, затем нас ста-

роста разделил на три группы. Очень удивлена, что в так называемый «цвет» первой группы попали из второй Таня, Галя и я.

Мы ходили с А.Д. (А.Д. Некрасов. — Л.В.) на болота и прибрежную полосу, с гидробиологическими целями. Поймали до 40 редких видов, записали классификацию, после четыре вида зарисовывали и разбирали.

Расписание такое:

7.30 — подъем; 9 — чай; до 13 — занятия; 14 — обед; 16 — занятия; с 19 — свободное время.

Вчера — двенадцатого — был день ботанический. Ходили с О.Н. в лес, собирали растения, а вечером определяли. Однако и тут я остаюсь зоологом: в лесу меньше обращаю внимания на растения. Нашла «погрыз» белки и «кузницу» дятла, видела рябчиков.

Сегодня день энтомологический: ходили с В.М., ловили насекомых. Удивительно бедна Пустынь ими. Опять видела рябчиков, слышала овсянку, б.п. дятла, чечевицу, иволгу.

Сегодня в свободное время нам с Галиной удалось попасть в поездку на озеро Свято и Черную заводь. На ботнике ехали Ник. Ал. и Фека, а на лодке мы, Нина, Шальганова и Воронцов — это орнитолог, работающий со II курсом. Боюсь, что когда Николай Алексеевич уедет, нас не будут в поездки брать. Не представляю, что будем делать в выходной, который завтра. Купаюсь по три раза в день. Собираюсь рядом с лодкой плыть на ту сторону: я, Галя, Настя, Леля. Уже плавали Федяй и Прозоров. Они очень неплохо плавают, особенно последний. На лодках катаюсь порядочно. Вчера на большой лодке («крокодил») были в озерах Глубокое и Паровое: Зефиров, Петька, Татарников, я и еще девчата. Были в озере Крутом, где стоит санаторий.

Все общежития имеют свои названия. Наша комната называется «Третье сословие», соседняя — «Купцы», две комнаты ребят называются «Влюбленные» и «Старые холостяки», а второй дом весь называется «Абиссиния». Все бы ничего, да нельзя далеко ни уехать, ни уйти, т.к. время ограничено. А тут еще дипломники всюду на лодках ездят. После ужина поехали мы на лодке: я, Люся К., Рая З., Ваня Федосеев и Федяй. Т.к. мы были на плоскодонке, то протиснулись через плетень в Паровое озеро, но там нас заели комары и дальше мы не плыли. Править умели только я и Федяй. Видели цаплю, желну и зимородка. Приехали после одиннадцати вечера. На берегу стояла Галина в пальто и ждала меня, оказалось, что нас Фека зовет в лес слушать сов. В Пустыни все действительно лучше узнали друг друга и больше сошлись. У ребят это «узнавание» выразилось в том, что они надавали друг другу прозвищ. Без прозвищ только Саша Шиллов, Ваня Федосеев, Ефимов и Лудин Петька.

Федяй — «Баран Мюнхгаузен» или чаще просто «Баран»,

Жадин — «Капитан» или «Крокодил»,
 Прозоров — «Коленкин»,
 Хитровский — «Пан» (бог лесов),
 Кошкин — «Кот» (и как похож!),
 Татарников — «Таракан»,
 Тиндерман — «Адам»,
 Столбов — «Сегмент»,
 Зефилов — «Сосальщик», «Кулекс» и т.д.

Сближение же девушек и ребят чисто индивидуальное и выражается в катанье по ночам вдвоем на лодке или гуляньем по лесу. Пустынь для романов весьма подходящее место. Прекрасная природа, лодки, луна и еще поет соловей.

Сегодня были занятия с А.Д. на лодках, ловили планктон, потом его рассматривали. С нами вместе ездил и Фека, один на своей маленькой лодке. Потом он с нами планктон просматривал, т.к. он не проходил на первом курсе практику.

Вечером была смычка с селом. Ходили в село, и на трибуне Ваня Федосеев произнес речь, подходящую случаю. Хор наш пел, солировала одна Лелька, которая поет очень хорошо.

Приехал второй курс. Мы его не особенно любим. Все они поместились в «Абиссинии», т.к. их гораздо меньше нашего. Вчера двое ребят второго курса решили отпраздновать прибытие в Пустынь. Они пошли в деревню, достали вина, напились, и ночью один из них ломился в нашу комнату, а другой его оттаскивал. Я спала и ничего не слышала, но другие все проснулись и был шум. Утром собрали очень грозное собрание, на котором даже А.Д. выступил резко. А Фека прямо требовал исключения их с практики. За них заступился Оржиховский Петр Александрович, завхоз биостанции. Он тут с женой живет круглый год. Очень прямой и даже резкий человек. Он сказал, что удаление с практики почти равносильно исключению, т.к. они этого никогда не смогут пройти и догнать. Успокоились на том, что решили довести это происшествие до сведения дирекции и оставить их на практике условно — если не повторится пьянство.

Сегодня мы начали энтомологические дежурства. Нас разбили по двое, каждая пара дежурит в определенном месте четыре часа в сутки. Дежурство круглосуточное. Сегодня мы дежурили с Галиной на лугу «Капустник». Видели утром Феку, возвращавшегося из своей утренней экспедиции. Вечером к жене Оржиховского Евгении Алек. привозили из санатория врача. Отвезить его поехал Фека. Он гребет замечательно и не любит, если кто-нибудь правит лодкой. Лодка его так и идет по прямой и очень быстро. Мы его водную «походку» различаем сразу. Я видела, как он возвращался, и мне вспомнилось: «Снаряжен стружок как стрела летит».

Нынче тяжелый день. Солнечное затмение.

Озеро Глубокое. Рисунок Л.А. Пономарёвой. 1940 год

*В Старой Пустыни. Надпись на обороте:
«Мама, Вера, Ира, я, Саша, Андрей»
(справа налево). 1940 год*

Лариса с грибом. 1940 год

Поездка в Шонику

Все же чудесная вещь деревня, а Шониха в особенности. Зря ее мама так не любит.

В Шонику приехала около 4-х ночи. Было светло, солнце еще не вышло. Мне попутчиками были все из одного со мной купе — 3-е девчат моих лет. Нашла избу Ольчат, а их самих на огороде. Прием был очень радушный. У них живут уже с месяц дачники.

Все в сохранности. Могу гостить сколько влезет.

Живут они хорошо, даже Саша не жалуется. У Даши с колхозом уладилось, письмо подействовало. Пошла было спать в клеть, но в 7 часов встала и пошла за ягодами на вырубку. Ягод не очень много, уже отходят, а малины еще нет. Удивительно, в лесу мало по сравнению с Пустыней птиц — зато много бабочек.

Кое-что все же набрала, затем обедали. Жутко они меня накормливают. Вечером ходила опять за ягодами с Милкой и Нюрой Тихоновой. Галя на работе, ее не видела. Ходили по лесной Оранской дороге. По пути прочла им лекцию насчет ящериц, которых они боятся. Поймала ящерицу, дала погладить, бояться перестали. Позднее сидела у клетки, созерцая леса в лиловой дымке и заходящее солнце. После пригона стада пошла к Гале, застала ее, как и обычно, за книгой (М. Твена). Волосы подстрижены и платье городского покроя. Она обрадовалась мне, видимо, искренне. Еще бы! Скучно ей, а я еще книг ей немного привезла. Но видется нам удастся мало, т.к. она работает в колхозе. Павлик тоже в колхозе, он молоко отвозит в Оранки, а мать — по дому.

Когда пришла домой — опять меня «пичкали». Действительно, в деревне можно хорошо питаться, но это достигается колоссальным трудом, трудом для «жранья». Потому что этот труд больше почти ничего и не дает. Вот Саше на что одеваться? Впрочем, она уже стара.

Даша меня опять заставила две кляузы в стенгазету состряпать. Любит она селькорничать, а пишет сама плохо.

Сегодня погода плохая, болтаюсь дома и в клетки, часть читаю, часть питаюсь. Вечером пришла Галя, потащила по всем деревенским знакомым. Видела Василия Егоровича, живут они по-прежнему в саду как схимники, никуда не выходят, и к ним мало кто ходит. Видела Марусю Сухареву, она выросла и стала ужасно стеснительная, мать ее колхозной поварихой работает.

Андрей Иванович Мичалов запил, жена его заедает, и работает он колхозным ночным сторожем. Пару-ня Агафонова не учится, работает в яслях, гулять уж начала. И все в таком же роде. Галя сама перешла в седьмой класс, отличница, но при упоминании о том, что надо дальше учиться, в техникум поступать, у ней глаза делаются грустные-грустные, потому что знает, что мать у нее на редкость неэнергична, а сама она тоже за дело взяться вряд ли сможет. А учиться ей хочется. Вот Милка — та хочет колхозницей остаться. А Павлику самое бы лучшее в монастырь идти — жаль, что теперь его нет. Думает Катерина Ефимовна послать его работать в город.

Уезжаю завтра с 4-часовым утренним.

Приехала из Шоники, стало скучно. Поболталась в городе, а 12-го поехали в Городец. Однако особенно не обрадовалась. Когда приехала, оказалось, что и Люся и Е.К. в деревне, в городе Н.М. и Лена. Правда, на другой день их «обменяли», но все равно.

Вот когда Е.К. больна (у нее малярия) и к тому же еще в деревне, видно, что хозяйство держалось только ей. Сейчас полнейшая разруха, еда — хлеб с молоком. На лодках кататься не пришлось — дорого, а денег Н.М. еще не получал, у меня тоже не было. Купаться ходили, но больше валялись в саду и читали. Я немного удивляюсь Люсе: она всегда разговорам о людях и с людьми предпочитает книги. До сих пор она не знает, куда идти. Говорит: «Пусть папа подает за меня, куда знает». Я не узнаю Люсю.

Приехала нынче ночью. Днем была у Марьяны, договаривались кататься на лодках. В городе жара и скука. Говорят, Люсиль Тогунель засыпалась на последнем зачете.

Утром пошла к Марьяне. У них наверху живет некий молодой слесарь, он может лодки брать бесплатно, мы его взяли с собой. Ездили много, много плавали, но, к сожалению, задержались, мы вернулись

к Марьяне около 5 часов. Тем временем заходила моя мама и оставила записку от Туся: «Приходи на причал № 2», но было уже без десяти минут пять, я поняла, в чем дело, поняла, что уже опоздала и поехала домой. Дома на столе другая записка: «Лю! Какая досада, я проезжала с экскурсией, зашла к тебе, хотела увидеть тебя, но... Страшно досадно...» и т.д. А мне-то как было досадно! Я ведь не совсем верила в ее существование, она была для меня абстракцией, и вдруг абстракция воплотилась, была у меня дома, оставила записку и все же осталась невидимой. Потом вернулась мама, она ходила на пароход ее провожать. «Вернулась после времени? Нечего сказать, проворонила лучшую свою подругу». Мама о ней самого лучшего мнения — это нелегко. «Прелестная девушка». Она говорит, что она не хорошенькая, но очень милая. Высокая, но не сутулится. Косы ниже пояса. Очень воспитана и вообще — прелесть. Однако, ведь пароход стоял здесь сутки. Она могла придти к нам вечером вчера и остаться ночевать. Руководитель отпустила бы. Туся была у нас два раза — не застала никого, была у мамы на службе, ее тоже не застала, пошла в третий раз домой к нам, во дворе увидела мою маму и узнала ее со спины. Это здорово. Про себя она рассказывала мало, больше спрашивала обо мне. Ждала меня до последней минуты. Да, страшно жаль.

Мы хотим поехать на месяц к тете Нине через Свердловск. Туся обещала забежать хоть к поезду. А на обратном пути можно будет остаться в Свердловске на два дня. Об одном я беспокоюсь, хотя это и эгоистично, что я на нее произведу отрицательное впечатление. Она прелестная девушка. А я ведь не прелестная отнюдь. И характер у меня почему-то зверски испортился в последнее время, я сама это вижу, да и мама много об этом говорит. Ну что ж, пускай. А характер я еще исправлю.

Деревенское «такси». На станцию. 1940 год

О Ларисе

Из воспоминаний д.б.н.,
профессора *Т.Е. Калининой*

В 1937 г., будучи студенткой-первокурсницей Горьковского государственного университета, я неожиданно обнаружила среди студентов второго курса биологического факультета знакомое лицо. Оно принадлежало Марусе Рудаковой, однокласснице до моего перевода в восьмой класс другой школы. Три года мы ни разу не виделись, а на четвертый год оказались на одном факультете. Только она поступила в университет сразу после девятого класса, а я завершила в 1935/36 учебном году учебу в десятом классе. Маруся, как и я, была отличницей, но я «созрела» для поступления в университет как раз в первое вступление в силу закона о приеме в Вузы без вступительных экзаменов «круглых» отличников. Со стороны основной массы студентов и преподавателей то и дело возникали вопросы необычайного удивления: «Как, имея возможность поступления в любой вуз и на любой факультет вы (или “ты”) выбрали биофак?!? Да ведь туда одни дураки идут!» А Маруся сдала вступительные экзамены сразу после девятого класса.

Вот через Марусю Р. я и познакомилась с ее одногруппницей, тоже из тех «дураков», Ларисой Пономаревой. Она, как и мы с Марусей, относилась к группе так называемых «истинных биологов» в отличие от

девчат, поступивших на биофак только ради повышения своего «светского» статуса и получения диплома о высшем образовании, что давало надежду на получение в мужья более образованных мужчин.

В первом семестре наше знакомство с Ларисой носило несколько поверхностный характер. Но после зимней сессии и каникул мы стали чаще беседовать по различным биологическим проблемам. Садилась рядом на комсомольских собраниях, на некоторых лекциях (шла какая-то реформа учебных программ, и кое-какие курсы лекций читали объединенно первому и второму курсу) и на дополнительных спецкурсах.

Кроме того, мы активно посещали научные доклады наших учителей на заседаниях Общества естествоиспытателей. Иногда по одним и тем же литературным источникам к этим заседаниям и научным диспутам готовились заранее, чтобы хоть немного войти в понимание содержания проблем и исследований. В памяти остались доклад профессора И.И. Пузанова о тупиках в развитии некоторых наших человекообразных предков миллионы и сотни тысяч лет назад, доклад профессора А.Д. Некрасова об исследованиях, проводимых, кажется, на Неаполитанской биостанции с морскими беспозвоночными. Вспоминается часто об эмоционально и документально насыщенном диспуте между сторонниками лысенковских взглядов на проблемы наследования различных качеств организмов (ассистент, затем — доцент И.Н. Грязнов) и основоположником эволюции популяции и видов с точки зрения теории Дарвина и достижений молодой биологической науки генетики (профессор С.С. Четвериков).

Студенты ГГУ. Справа — Ирина Коцюбинская, слева — Федор Шапошников. Апрель 1935 года

Студенты 4 курса биофака ГГУ. Справа — Л. Пономарёва. 1939 год

На заседаниях Общества естествоиспытателей часто заслушивались и доклады-сообщения студентов старших курсов после летней практики и камеральных обработок данных в зимний период.

После третьего курса мы стали с Ларисой встречаться реже. Она стала специализироваться по зоологии беспозвоночных у профессора А.Д. Некрасова, я — по кафедре позвоночных животных у профессора И.И. Пузанова. Однако после проведенной экспедиции по изучению результатов акклиматизации в болотах вокруг г. Поти в междуречье рек Риони и Пичора, я поняла, что я физически не способна быть полностью равноценным членом экспедиции. И хотя экспедиция с подачи доцента Шапошникова была организована мною, именно я пригласила еще двух участников экспедиции — однокурсников зоолога Георгия Львова и ботаника Валентину Дряхлову, моим друзьям приходилось постоянно брать на себя некоторые, наиболее тяжелые мои обязанности: гребля на плоскодонке по каналу Недоард, времен римского (а может греческого?) поиска золотого руна, перенос рюкзаков при длительных переходах и т.п. А ведь я никогда не жаловалась на упадок сил или усталость.

Впоследствии, годы спустя выяснилось, что я имела митральный порок сердца. Тогда я только удивлялась, что на фоне высокой двигательной активности у меня внезапно наступала резкая слабость, одышка, выступал проливной холодный пот.

Но мои товарищи, оказывается, это замечали и, как могли, меня выручали. Поэтому я перешла для специализации на кафедру физиологии человека и животных. Так я и осталась физиологом пожизненно.

Вернувшись в последнюю практику из разных концов Союза, студенты-зоологи V курса Госуниверситета начали обрабатывать в лаборатории леновские материалы—это их первая самостоятельная научная работа. На снимке: в зоологическом музее университета студентки Бругинская М. Л. (справа) и Демьяновская И. Л. за рабочим столом. Фото Г. Шалова.

Однако вернемся к основному предмету моих воспоминаний.

Ларочка с первого знакомства произвела на меня впечатление человека очень крепкого физически, думающего независимо от того, что говорят и мыслят окружающие. Девушка была очень сосредоточенной, мало разговорчивой, надежной подругой. Училась превосходно. Всегда целенаправленна и упорна. Очень выдержанна в проявлении эмоций, в меру скрытна. Производила впечатление внутренне одинокого человека.

В теплые осенние дни и солнечные весенние мы иногда встречались на трамвайной остановке и ехали

в Марьину рощу, бродили в оврагах и по озерам Щелоковского хутора или среди старых березовых прозрачных лесочков высокого Окского берега.

Однажды я рассказала Ларисе, что мы с моим братом Виктором, вооружившись папиным ружьем-двустволкой («Зауэр три кольца»), решили поехать на утренние зори на скит вблизи Оранского монастыря, чтобы попытаться не столько добыть, сколько понаблюдать за токующими глухарями. Лариса попросила взять ее в нашу компанию. Мы с Витей хорошо знали леса вокруг Оранского скита (до революции — дача архимандрита), поскольку наш детский дом («пионердом им. Ансона» для приходящих на день безнадзорных детей из неполных или неблагополучных семей) владел этим скитом. Мы все, а нас было четверо, после смерти отца провели по несколько лет жизни в этом замечательном доме. Выезжали туда на 2 месяца летом и на 2 недели зимой. Мы по два человека одновременно были воспитанниками пионердома, полностью обеспечивались и одеждой, и питанием.

Приехали мы уже почти ночью. От станции Суроватиха надо было идти 5–6 километров. Поэтому мы спрыгнули из вагона на ходу на бывшем разъезде (там был поворот и поезд замедлял ход) и через полтора километра были на месте, но здание не было освещенным, и мы не решились грохотать в двери, чтобы разбудить сторожа. Метрах в десяти от главного входа мы нашли стог сена. Детдом имел пару коров и лошадь, выращивал свиней. Стог был уже на две трети использован. Поэтому нам не составило труда поднять большой пласт сухой травы и залезть в образовавшуюся пещеру. На рассвете нас разбудил сторож. Он дал нам кипяточку, а хлеб у нас был, и порекомендовал поискать токовище на лужайках недалеко от железнодорожных путей.

Мы поспешили к месту нашей высадки. Пересекли рельсы и нашли подходящую полянку с двумя береза-

ми, росшими на лужайке метрах в двадцати друг от друга. Одна из березок была коренастой со множеством низко растущих ветвей. Мы влезли в этот естественно созданный шалаш и стали выжидать прилета глухарей и глухарок. Обычно, когда в лесу натыкаешься на этих крупных птиц, склевывающих зрелые ягоды вдоль тропинок или порубок, они взлетают с оглушительными хлопками крыльев. А тут оглушительная тишина. Ни хлопков от взмахов крыльев, ни курлы-кудахтанья.

Сидим молчком. Вот уже совсем рассвело, вот-вот и солнышко выглянет, а наших объектов наблюдения нет как нет.

Вот солнечные лучи уже позолотили верхушки высоких деревьев, а мы так ничего и не увидели. Просидели уже более часа. Устали от неподвижности и молчания. Пошептались и решили уйти. Что поделаешь, полевые наблюдения не всегда бывают успешными. Но стоило нам высунуть головы из убежища, как с обеих берез (под одной из них мы и спрятались) поднялось громкое хлопанье крыльев и целые стаи глухарей поднялись в воздух и скрылись в ближайших лесных зарослях. Так мы узнали, что шумно летают они только в опасных ситуациях, а спокойный полет — бесшумен. Ведь, наблюдая за поляной, никто из нас так и не заметил их прибытия, как и птицы не заметили нашего присутствия. И мы сорвали их брачные танцы. А глухарей надо было искать в иных лесах, где много хвойных деревьев. Но пора было идти до станции. На ходу ведь в пассажирский вагон не впрыгнешь.

Но мы все равно были очень довольны нашим походом. Ночевка в стоге сена, предутренняя свежесть, доброжелательность сторожа, романтическое окружение в росистом лесу и сияние солнца на восходе, которое мы наблюдали из-за густого сплетения березовых душистых веток — все внушало радость бытия. Огорчал только неосторожный срыв брачных танцев глухарей.

Студенческая практика в Колхиде. 1939 год. Из фондов ММО

Дом студентов

АСТРАХАНСКИЙ

Волчата

*Подруги и друзья
(слева – Л.А. Пономарёва)*

Вода спадает

Не на косьбе, а на лодке

ЗАПОВЕДНИК

*Научное население Дамчика
(3-я слева стоит Л.А. Пономарёва)*

АСТРАХАНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

*На кольцевании пеликанов
(слева — Л.А. Пономарёва)*

На взморье (Л.А. Пономарёва – 2-я справа)

Фотографии из альбома «Астраханский государственный заповедник. Июнь—июль—август 1939». Из фондов Музея Мирового океана (г. Калининград)

Группа студентов-зоологов биофака ГГУ. 1939 год. Из фондов ММО

*Л.А. Пономарёва в ГГУ.
1940 год. Из фондов ММО*

С. С. С. Р.
МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Число.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДИПЛОМ
с отличием
№ 221936.

Предъявитель сего тов. ПОНОМАРЕВА Мария Антоновна
в 1935 году поступила и в 1940 г. окончила подма-
жура биологического факультета Горьковского Государ-
ственного Университета по специальности зоология бес-
клеточных и решением Государственной Экзаменационной
Комиссии от 28 июня 1940 г. ей присвоена квалификация
кандидат.

Председатель Государственной
Экзаменационной Комиссии проф. Ставилов.
Директор /подпись/
Секретарь Болговец -подпись.
Город Горький 1940 г.
Регистрационный № 395.
ИМЯ: Горьковский Государственный Университет РСФСР.

Мария Пономарева
Секретарь Александров

Предъявитель сего тов. ПОНОМАРЕВА Мария Антоновна

ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ КНИЖКИ

/без диплома выдана/

Тов. Пономарева Мария Антоновна за время пребывания в
Горьковском Государственном Университете сдала следующие
дисциплины:

11	Зоология растений	--	хорошо
12	Зоология животных	--	отлично
13	Микология	--	хорошо
14	Полевой зоологический практикум	--	хорошо
15	Зоология беспозвоночных	--	отлично
16	Зоология позвоночных	--	отлично
17	Зоология насекомых	--	хорошо
18	Зоология млекопитающих	--	хорошо
19	Зоология птиц	--	хорошо
20	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
21	Зоология рыб	--	хорошо
22	Зоология земноводных	--	хорошо
23	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
24	Зоология птиц	--	хорошо
25	Зоология млекопитающих	--	хорошо
26	Зоология насекомых	--	хорошо
27	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
28	Зоология позвоночных	--	хорошо
29	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
30	Зоология рыб	--	хорошо
31	Зоология земноводных	--	хорошо
32	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
33	Зоология птиц	--	хорошо
34	Зоология млекопитающих	--	хорошо
35	Зоология насекомых	--	хорошо
36	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
37	Зоология позвоночных	--	хорошо
38	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
39	Зоология рыб	--	хорошо
40	Зоология земноводных	--	хорошо
41	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
42	Зоология птиц	--	хорошо
43	Зоология млекопитающих	--	хорошо
44	Зоология насекомых	--	хорошо
45	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
46	Зоология позвоночных	--	хорошо
47	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
48	Зоология рыб	--	хорошо
49	Зоология земноводных	--	хорошо
50	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
51	Зоология птиц	--	хорошо
52	Зоология млекопитающих	--	хорошо
53	Зоология насекомых	--	хорошо
54	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
55	Зоология позвоночных	--	хорошо
56	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
57	Зоология рыб	--	хорошо
58	Зоология земноводных	--	хорошо
59	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
60	Зоология птиц	--	хорошо
61	Зоология млекопитающих	--	хорошо
62	Зоология насекомых	--	хорошо
63	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
64	Зоология позвоночных	--	хорошо
65	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
66	Зоология рыб	--	хорошо
67	Зоология земноводных	--	хорошо
68	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
69	Зоология птиц	--	хорошо
70	Зоология млекопитающих	--	хорошо
71	Зоология насекомых	--	хорошо
72	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
73	Зоология позвоночных	--	хорошо
74	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
75	Зоология рыб	--	хорошо
76	Зоология земноводных	--	хорошо
77	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
78	Зоология птиц	--	хорошо
79	Зоология млекопитающих	--	хорошо
80	Зоология насекомых	--	хорошо
81	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
82	Зоология позвоночных	--	хорошо
83	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
84	Зоология рыб	--	хорошо
85	Зоология земноводных	--	хорошо
86	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
87	Зоология птиц	--	хорошо
88	Зоология млекопитающих	--	хорошо
89	Зоология насекомых	--	хорошо
90	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
91	Зоология позвоночных	--	хорошо
92	Зоология рептилий и амфибий	--	хорошо
93	Зоология рыб	--	хорошо
94	Зоология земноводных	--	хорошо
95	Зоология пресмыкающихся	--	хорошо
96	Зоология птиц	--	хорошо
97	Зоология млекопитающих	--	хорошо
98	Зоология насекомых	--	хорошо
99	Зоология беспозвоночных	--	хорошо
100	Зоология позвоночных	--	хорошо

Выполнена зачетка по теме "Выявление способности
на изменчивость некоторых преобладающих признаков"
в виде все государственные экзамены на с отличием
№ 011110.

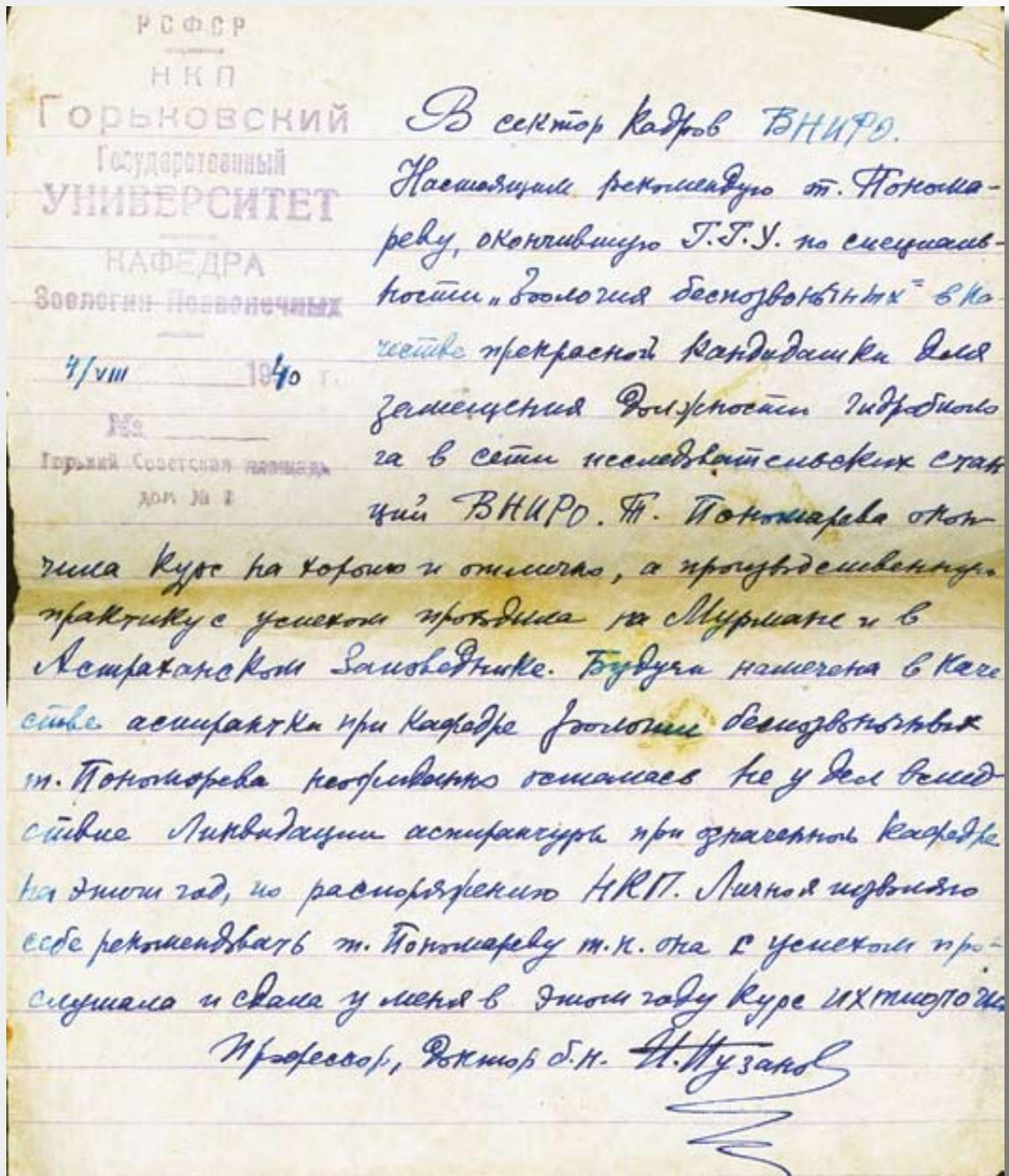
Директор Горьковского Государственного Университета *А.И. Ставилов* /Подпись/

Секретарь *Александров* /Подпись/

Копия диплома Л.А. Пономаревой

УНИВЕРСИТЕТ

О Ларисе

*Продолжение.
Начало на с. 113*

Следующие после окончания ГГУ годы (Лара — 1940., я — 1941), Великая Отечественная война и моя работа на Дальнем Востоке прервали наши с Ларой отношения.

В 1946 г. я вернулась в Горький. Не помню уже зимой или весной ко мне на кафедру в университете, где я работала над диссертационной темой, пришла моя сокурсница Ида Фридлянд. Она приехала с Южного Сахалина, где работала младшим научным сотрудником вместе со своим мужем профессором д.б.н. Пробатовым. Целью ее приезда была сдача двух госэкзаменов, которые она пропустила в связи с переживаниями по поводу любовных чувств к одному из выпускников института водного транспорта и его уходом в армию — ведь началась Великая Отечественная война (1941—1945 гг.). Юноша вскоре погиб, а Ида, забрав младшего брата, уехала куда-то в Сибирь или на Алтай. Родители в 1937 г. были арестованы, мальчика спасли от детдома сестры матери. Они и Иде помогли, пока она училась.

Иде нужно было сдать пропущенные госэкзамены, иначе она могла потерять работу в Тихоокеанском филиале ВНИРО, т.к. не имела диплома о высшем образовании.

На вопрос, имела ли она возможность подготовиться по зоологии позвоночных и беспозвоночных животных, а также по спецкурсу (биология рыб), Ида со свойственной ей прелестной небрежностью ответила: «Даже и не думала тратить время на подготовку. Неужели мои учителя, зная, что я уже несколько лет работаю в академическом НИИ по сельдевым, не поставят мне хотя бы тройку? А больше мне и не нужно».

Мы с Идой много беседовали каждый раз, когда она приходила на биофак. Действительно, тройки ей поставили. Я узнала, что она очень быстро вернулась в Москву и устроилась в ЦНИРО младшим научным сотрудником. Ее послали в длительную научную командировку для всестороннего изучения своеобразия Карского моря. В экспедиции она встретила нашу выпускницу Ларису Пономареву.

Про Ларису Ида рассказывала очень скупо. С прищипанным многими москвичам снисхождением она только сообщила, что мало общалась с этой «трудолюбивой» и «старательницей».

Но я все-таки выяснила, что Лариса вернулась из экспедиции вполне благополучно.

Когда я в очередной раз была в московской командировке, то разыскала Ларису и даже встречалась с нею.

Квартиры у нее не было. Даже комнаты в коммуналке. Ночевала она на своем рабочем столе прямо в лаборатории, но не теряла надежды стать москвичкой.

Она навестила меня и навещала впредь у Перелешиных — Сергей Дмитриевич был учеником проф. С.С. Четверикова, когда учился в МГУ на биофаке, и сохранил к Сергею Сергеевичу на всю жизнь самую нежную привязанность. Жена его — Нина Петровна Кречетова — художница, член МОСХ'а, племянница Марии Николаевны Ермоловой и дочь младшей сестры последней, тоже актрисы. Нину Петровну привлекли несколько своеобразные монгольские черты красивого лица Ларисы и она написала маслом ее портрет.

Где сейчас находится портрет Лары, мне неизвестно.

В 1949 г., защитив кандидатскую диссертацию, я была принята младшим научным сотрудником в лабораторию ядовитых животных (руководитель — ученик академика Е.Н. Павловского д.б.н. Талызин) НИИ паразитологии и микробиологии им. Гамалея АМН СССР. Жила за отсутствием квартиры у Перелешиных, в их единственной комнате на Зубовском бульваре.

Ларочка к этому времени снимала комнату — узенький «пенальчик» метров пяти-шести. Ее жилище оказалось тоже вблизи станции метро «Парк культуры», недалеко от Зубовского бульвара. И я с удовольствием ее потом навещала. Комнатка была так мала, что двоим там даже сидеть было тесно (кровать, небольшой столик, один стул и «гардероб» на стенке). Беседы наши происходили в гостиной хозяев квартиры, а я старалась наносить визиты, пока хозяев не было дома. К этому времени у Ларисы случилась большая беда: ее незаконно, извратив некоторые факты, заставили «по собственному желанию» подать заявление об увольнении с работы. Напугали возможностью судебного преследования и наказания.

Лара была совершенно растеряна и страшно морально подавлена. Я глубоко ей сопереживала и старалась скрасить ее жизнь, но юридически была безграмотна и потому не очень-то способна что-либо рациональное порекомендовать подруге, хотя по логике инстинктивно чувствовала всю нелепость произошедшего.

Вскоре к Ларе из Горького приехала ее мама, она была очень грамотным и опытным юристом, уволилась с работы и решила законодательно доказать нелепость поступка руководителей института. Параллельно Лариса написала письмо в отдел науки ЦК КПСС.

Вмешательство ЦК послужило катализатором, и вся эта трагическая история очень быстро закрутилась. Лариса была восстановлена на службе, получила оплату за вынужденный прогул, а мама осталась с единственной дочкой в Москве. Только пришлось снять квартиру большей вместимости за приемлемую плату. Переехали они в деревянный дом куда-то за Со-

кольники — то ли в Богородское, то ли в Богородскую слободу. Общей кухней и «удобствами» пользовался малосимпатичный мужчина, пьющий и чуть ли не шизофреник. Характер у Ларисы несколько переменился. Она стала более замкнутой, менее общительной. Но по-прежнему сдержанной и уравновешенной.

Момент ее перехода из ВНИРО в Институт океанологии и океанографии АН СССР я не помню. Знаю только, что институт временно переехал куда-то в пригород, потом въехал во вновь построенное здание, где находится и сейчас. Лара стала старшим научным сотрудником, получила хорошее рабочее место и персонального лаборанта Н.М. Акимушкина, человека очень собранного, работоспособного и полностью взявшего на себя материальное обеспечение исследовательской работы Ларисы.

Лариса часто подолгу отсутствовала, находясь в экспедициях по всем морям и океанам земного шара. Обладая блестящей памятью, она знала наизусть все концы света, все гавани, в которых побывала, все интересные места в городах и географических пунктах, где выходила на берег. Она помнила имена, названия и события, поражая меня обширностью и прочностью своих впечатлений, порождая стыд за полное отсутствие у меня чисто формального запоминания имен, фамилий, названий. В моей памяти прилично запоминались только логические явления и процессы.

Эти путешествия по морям и океанам стали смыслом и отрадой ее жизни. Особенно, когда ей удавалось добиться разрешения на включение в состав экспедиции своего мудрого и преданного помощника Николая Акимушкина. Он не требовал повторения распоряжений, брал на себя заботу об оборудовании и отдыхе, комфорте во время научных ночных и круглосуточных бдений, когда все работали в любую погоду, в любом пункте, при любой качке без сна и регулярного приема пищи и отдыха. Слушая ее рассказы по возвращении из экспедиций о событиях нескольких месяцев экспедиционной жизни, я часто вспоминала слова моего соседа по квартире во время войны глазного хирурга из Свердловска Д.М. Аронова: «Знаете, свою операционную сестру хирург должен любить больше, чем родную жену. Ведь, если она захочет, она как никто может тебе испортить жизнь и карьеру, даже свести к нулю твою профессиональность». У Ларисы такой личностью, «операционной медсестрой» рядом с ней был Николай. Он пользовался у своего шефа полным и заслуженным доверием и уважением.

Из очень ярких эпизодов путешествий Ларисы мне запомнился страшный. В одной из океанских гаваней на берег сошли только члены командующего состава и «научники». Команда корабля скучала, завидовала и развлекалась, как могла. Самый младший член команды, мальчишка-юнга, как это часто бывает, стал объектом веселых подначек и шуток. Он признался, что всю жизнь мечтал о море, и вот, наконец-то, по-

Т.Е. Калинина. 1950-е годы

пал в состав настоящих бывалых моряков. Вот только жаль, что почти не умеет плавать. С громким хохотом кто-то предложил его «окрестить» и научить держаться на воде. Мальчишку подхватили и бросили за борт, одновременно кинув следом пару спасательных кругов. Пока вынырнувший паренек пытался ухватиться за это средство, а кое-кто из матросов готовились прыгнуть, чтобы ему помочь, весело ржущая толпа пыталась дать бедолаге практические советы. На глазах у толпы мальчонку за секунды по кускам растащили акулы, смех стих. Повеселились...

Командирам и ученым сообщили о трагедии: юнга решил сам искупаться в океанской воде и... вот результат. Постепенно правда просочилась, но в корабельном журнале и по прибытии домой осталась придуманное объяснение трагедии. Кажется, она случилась раньше, чем Николай Акимушкин стал помощником и другом Ларисы.

С появлением у Лары ещё одного члена семьи — матери, женщины мудрой, очень близкой по характеру и темпераменту с дочкой, любящей ее и пользующейся полным доверием Ларочки, жизнь последней при-

обрела упорядоченность и уют. Она перестала пребывать в состоянии постоянного одиночества.

Я не помню, в какой момент Лариса из сотрудников ВНИРО перешла в ст. н. сотрудники Института океанологии и океанографии Академии наук. Вскоре она включилась в систему квартирного самостроения, широко практиковавшегося в системе профсоюзной организации АН. Первичный денежный взнос был достаточно умеренным, доступным даже для младшего звена «бесквартирных» сотрудников. Зато следовало принимать личное участие в возведении зданий, которые располагались вблизи академических научных корпусов.

В результате Лариса получила двухкомнатную квартиру на первом этаже солидного дома вблизи Ленинского проспекта в начале ул. Дм. Ульянова, где и прожила до своего ухода из жизни.

Я испытываю не только грусть, но и чувство непреходящей благодарности к Ларисе за ее преданное дружеское расположение, поддержку в письмах, которая, по-видимому, была хорошей психологической подпоркой в одинокой жизни нас обеих. И — за постоянную поддержку моей страсти к коллекционированию раковин моллюсков и мелких объектов морской фауны. К сожалению, этой коллекции (более 2-х тысяч единиц) мне пришлось лишиться еще при жизни Ларисы.

Я — человек, абсолютно не умеющий ни торговать, ни торговаться.

В злосчастные 90-е годы XX в. 1500 объектов хранения (более 1000 — из Ларисиных экспедиций) я продала офицеру-коллекционеру (пенсионеру) за 1500 руб. У меня жил студент-внук и моей пенсии не хватало на его пропитание. В это время 1 ракушка в перепродажных магазинах продавалась по цене от 10 р. до 50 р. и более. Но мне претила сама мысль пустить коллекцию в распыл. Отдала в руки коллекционера. А ранее из дублей тоже около 1500 различных единиц подарила в биологический кабинет нижегородской школы № 12 (на Автозаводе). Туда ушли не только раковины, но и другие морские «чудеса». Из морей, окружающих СССР, и из озер коллекционные предметы я собирала сама.

После того, как Лара получила новую квартиру, для меня стало полной неожиданностью, что у нее имелись в большом количестве родственники: несколько теток, претендующих на ее внимание, а порой и на

помощь, племянники (или племянницы?) в Москве и Подмоскovie, племянники в Омске. Одна или две из них (племянница и кузина) регулярно приезжали в Москву и гостили по нескольку недель. Всем им Лара регулярно привозила подарки и сувениры из своих дальнеморских экспедиций. Вообще вместе с коллегами по работе список претендентов на ее внимание (она мне его показала) составлял более 50 человек.

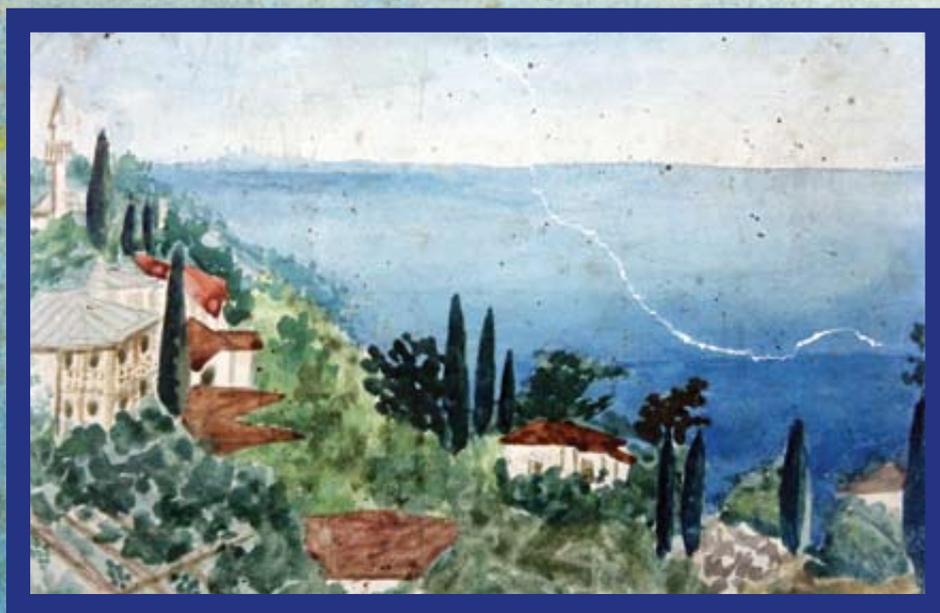
Но вот когда она терпела неприятности, затруднения с жильем, жила в лаборатории на рабочем столе, нуждалась в материальной поддержке, ни разу я не слышала от нее даже просто упоминания о родных и близких. Даже муж, с которым она прожила очень недолго и после развода с ним даже почти не переписывалась, когда она получила квартиру и ученую степень доктора биологических наук, неожиданно для Лары воспытал желанием восстановить близкие отношения и, несмотря на ее категорический отказ, несколько раз приезжал в Москву и останавливался у Ларисы.

Тетки же, по моему впечатлению, старели, и претензии к Лариному вниманию становились все более требовательными. Я только удивлялась их эгоизму и самоотверженности уже немолодой и нездоровой Ларисы. Была даже такая ситуация, когда Лара пригласила меня остановиться во время месячной командировки в Москву в ее второй комнате, так как наши встречи и беседы после того, как я согласилась завести кафедрой в кемеровском мединституте, стали редкими и слишком краткими. Я прожила у Лары две недели, когда она сказала, что завтра—послезавтра к ней приедет родственница из Омска и ей будет неудобно спать на раскладушке в одной комнате с чужой пожилой женщиной. Мне пришлось срочно упаковаться и переместиться к моим молодым знакомым, которых я знала еще по г. Горькому. Там через несколько дней у меня ночью произошел небольшой инсульт, который получил странный диагноз участкового врача: «мозговая форма гриппа». По Москве шла волна эпидемий гриппа. Впоследствии на ЭЭГ определен патологический очаг — рубец в области основания среднего мозга.

Переписку с Ларой, вернее — ее письма ко мне, небольшие рисунки, фотографии, сделанные Ларисой в экспедициях, и ее личные фото, отпечатки публикаций, подаренные мне, я передала в Музей истории ННГУ им. Лобачевского.

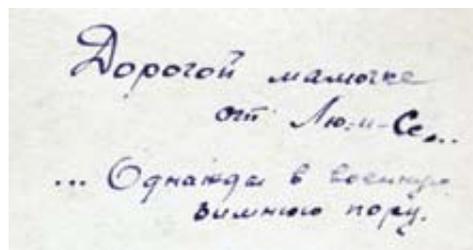
Д.б.н., профессор Т.Е. Калинина

КАРА-ДАГ

КИРГИЗИЯ

Сергей Веровенко (муж)
и Лариса Пономарёва.
Город Фрунзе
(Киргизская ССР).
25 января 1942 года

Киргизия. 21 февраля 1942 года.*

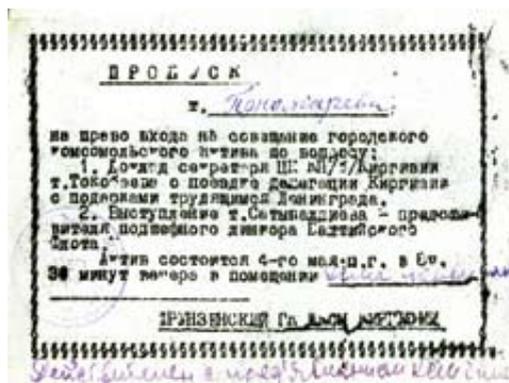
Дорогая мамочка!

Твое письмо от 21 января я получила вчера. Начинаю нумеровать письма, что и тебе советую. Значит, у вас уже начался голод. Я думаю, тогда тебе стоит согласиться жить в районе, выбери Ветлугу или что сама хочешь. А иначе тебе придется съезжать Гуську (собачку. — *Ред.*), хотя его очень жалко. У нас тоже начались перебои с продуктами еще с конца января. Мы имеем некоторый запас сала, а рис скоро кончится, берем молоко, а в общем в городе уже ничего нет. Сергей считает дни до мая. Получили заявку на 5 человек на селекционную станцию (12 км от города), и хотя для карьеры это было бы лучше, но он не хочет ехать, т.к. очень оголодал, а там не больно-то отъешься. До осени я буду здесь, а осенью хотела бы вернуться в Горький, это необходимо для поисков через Москву настоящей работы. А ты пиши, что ты думаешь делать? Надо тебе еще рассказать о здоровье: я весь февраль хожу по бюллетеню, у меня была температура и сильная головная боль. Теперь поправляюсь, осталась слабость. Думаю, с 24 февраля выйду на работу. Врачи не знают, в чем дело. Врачи здесь хорошие, из эвакуированных. Сдавала кровь на исследование — нашли у меня сыпной тиф. Но все же я им не заболела. Вчера таскали на рентген насчет туберкулеза, но нашли расширение сердца. Ты спрашиваешь, на чем я сплю? На кровати, конечно. В чем хожу? В буцах, конечно, в чем же еще?

* Письма публикуются с некоторыми сокращениями и уточнениями — *Ред.*

Плохо, что я весь февраль из-за хвори ничего не зарабатывала. Но думаю, выкрутимся. Все равно покупать нечего. У нас, кажется, холода закончились, чего мы с нетерпением ждали. Вчера было + 3 днем. Читала ли ты в «Правде» за 27 января статью «Таня»? А 15 февраля ей дали звание Героя Советского Союза. И она оказалась вовсе не Таня, а Зоя (Космодемьянская). 16 февраля по радио выступала ее мать. На меня это произвело сильное впечатление, на всех нас. Она была ученицей 9 класса московской школы. Так могло быть и со мной Я, конечно, если бы нас не сократили, из Крыма не стала бы эвакуироваться. Напиши побольше чего-нибудь, а то чегой-то скучно. Жизнь наша тоскливая. Если куда поедешь, Гуську не оставляй насовсем.

Целую Л.

Киргизия. 1 апреля 1942 года.

Милая мамочка!

Я уже почти две недели не имела от тебя писем и очень беспокоилась, хотела посылать телеграмму. Хорошо, что у тебя с питанием налажено более или менее. Чего нельзя сказать про нас, особенно потому, что Сергей тяжело болен. Он как-то простудился и получил воспаление легких. Лежит уже неделю, температура 40 и 39. Врачей здесь мало и большей частью неважные, а платно не имею возможности позвать. Здесь очень распространено воспаление легких. Сергей просился в клинику — нет мест. Вообще он все время капризничает и злится. Очень обидно, что так получилось. Профессора разъедутся по районам, так что, вероятно, он институт не окончит. Молоко (которое уже 10 руб.) и рис я отдаю ему. Мне остается картошка и много хлеба. Жалованье за 1-ю половину месяца так и не дают. Дела неважные. Приезжай ко мне и поедем в район, а в Горьком мне делать нечего. Ведь ты не хочешь, чтобы я «замоталась на подсобных работах»? Так что, если я приеду в Горький, то только на время. Думаю все же ехать зоологом в Ош, это через Ташкент и Фергану. Надо мне лечить неврозы. А то мне уже дают 26—27 лет. Это я так всего за два месяца изменилась (февраль—март). Плохое питание, плохой сон, плохая работа и частая трепка нервов. С этой работы (довольно приличная по понятиям многих) уйду в конце апреля. Сергея, наверное, пошлют на работу, как только он поправится. Всех посылают по Киргизии. Насчет «Тани» и «Лизы» (Чайкиной) я думаю, что ведь им дали звание не за подвиги, а за героическую

смерть, неужели это не ясно? Меня смерть, хотя бы и героическая не особенно привлекает, но все же очень бы хотелось пойти повоевать, и я боюсь, что потом буду вечно себя укорять, что не пошла. Это и для поступления в аспирантуру было бы полезно. Тем более, что у меня есть теперь «звание», т.к. я заведу складом биопрепаратов (а на эту работу допущены только ветработники), я могла бы пойти ветфельдшером. Литер и инструкций прочитала порядочно. Да в них и не могло быть ничего сложного, это ведь не работа в колхозе. Ты, конечно, смотришь отрицательно на мои намерения, но напрасно. Весна нынче здесь похожа на осень. Из дождей не вылезает. Физически чувствую себя хорошо, но для нервов очень нуждаюсь в перемене обстановки. Получила ли ты фото? Живущие у нас бойцы разехались. Одного послали начальником военной охраны в Ош, другой уехал в район Ферганской области агрономом. Из чужих остались мы, да еще одна квартирантка Валя — посудница из «летней столовой». Но все равно дом перенаселен. Я теперь сильно устаю, хотя из-за Сергея меня отпускают на час раньше, бывает очень много работы, а иногда нет. А дома надо возиться с Сергеем. Вчера у нас отключили свет (по постановлению СНК Киргизской ССР), в театре спектакли не дают по неделям, да и почитать нельзя. Не знаю, может быть стоит пойти работать в МТС или звероводом на ферму. Но я думаю, если ни здесь, ни в Алма-Ате не найду интересной работы, то уеду. А больше всего хотелось бы уехать ветфельдшером в армию.

Целую. Привет от Сергея. Лора.

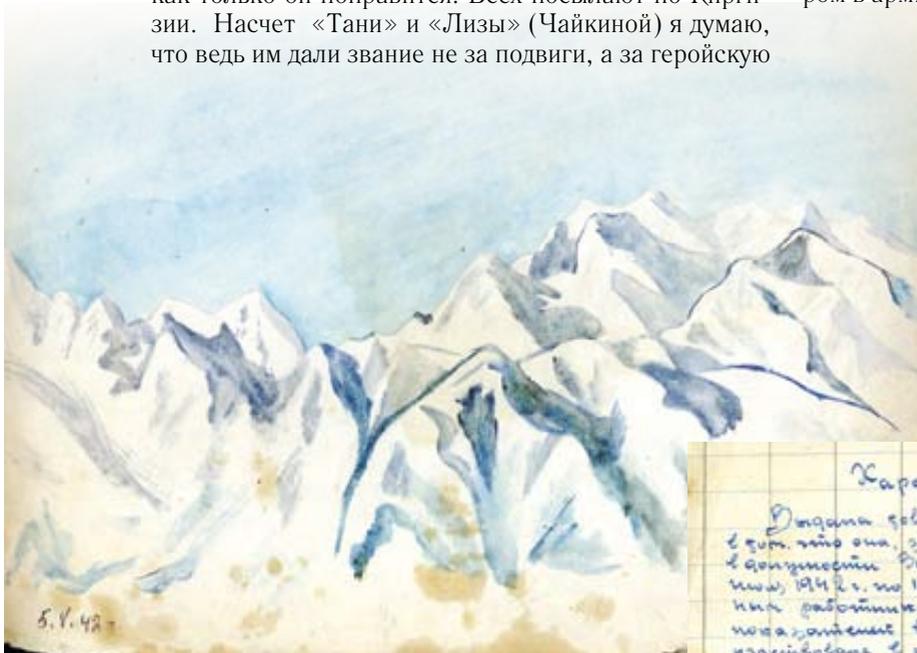

Рисунок Л.А. Пономарёвой.
5 мая 1942 года

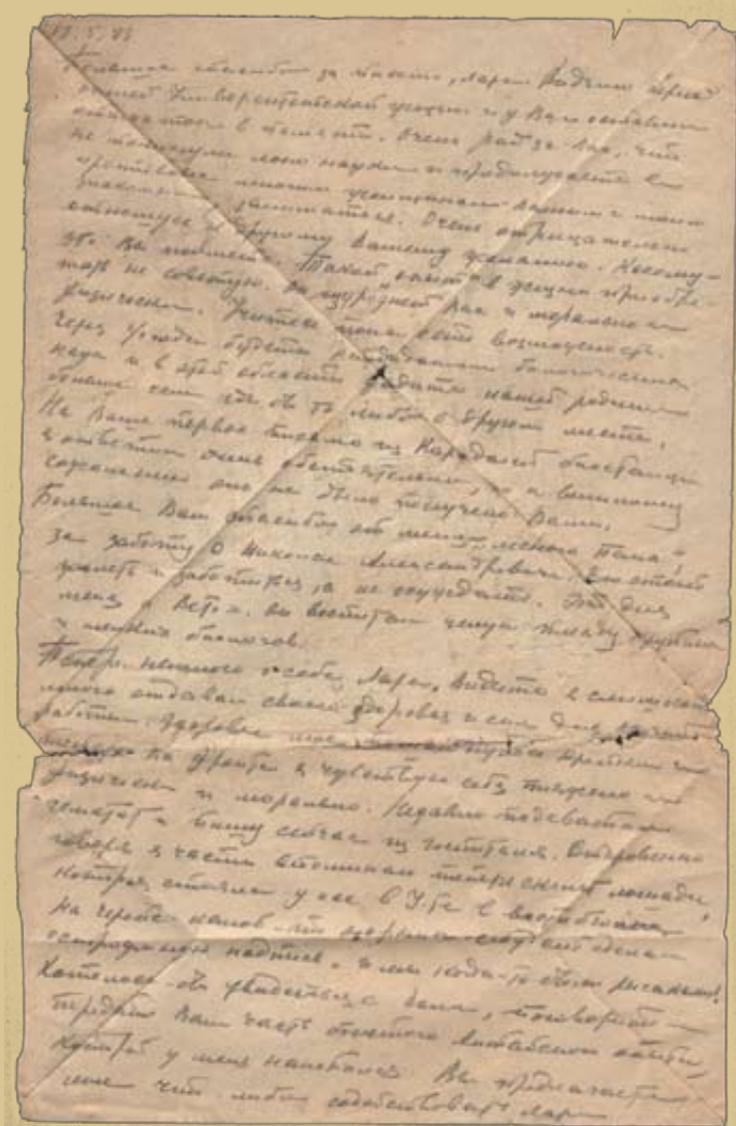
ИНТЕРЛЮДИЯ

Письма Ф.Д. Шапошникова и Б.Г. Иоганзена к Ларисе Анатольевне Пономарёвой послужили началом поиска информации о Федоре Дмитриевиче Шапошникове. На сайтах Алтайского заповедника и Тюменского государственного университета мы узнали много интересного об этом замечательном человеке и ученом, выпускнике биофака Горьковского государственного университета. Воспоминания И.М. Олигера*, в которых имеются фрагменты дневников Ф.Д. Шапошникова, дали возможность понять некоторые эпизоды воспоминаний Л.А. Пономарёвой,

помогли атрибутировать фотографию из ее архива и даже узнать историю этой фотографии, связанную с охотой на северного оленя в верховьях реки Коэтру. Снимки, сделанные Федором Дмитриевичем в экспедициях, мы взяли из «Летописи природы Алтайского заповедника за 1936–1940 годы».

Мы благодарим всех людей, сохранивших память о Ф.М. Шапошникове и сделавших открытой информацию о нем.

Г. Горький,
Хлебный пер., д. № 7,
Горьковский гос. Университет,
кафедра беспозвоночных животных,
аспиранту Пономарёвой Л.

Полевая почта 21088Д
Шапошников Ф.Д.

18 мая 1943 года

Большое спасибо за письмо, Лара. Видимо, период нашей университетской жизни и у Вас оставил отпечаток в памяти. Очень рад за Вас, что не покинули лоно науки и продолжаете в противовес многим женщинам, Вашим и моим знакомым, заниматься. Очень отрицательно отношусь к другому Вашему желанию. Какому – это Вы поймете. Такой опыт в жизни приобретать не советую. Он изуродует Вас и морально, и физически. Учитесь, пока есть воз-

* Иван Михайлович Олигер (1909–2012) родился в Нижнем Новгороде. Окончил Ленинградский государственный университет (1940). Зоолог. Работал в Мордовском заповеднике (1940–1942), заведующим зоологической лабораторией в Дарвинском заповеднике (1946–1951). Участник Великой Отечественной войны (1942–1945). Кандидат биологических наук (1951), доцент (1951) Чувашского государственного педагогического института, заведующий кафедрой зоологии (1951–1975). Автор более 50 научных и методических работ.

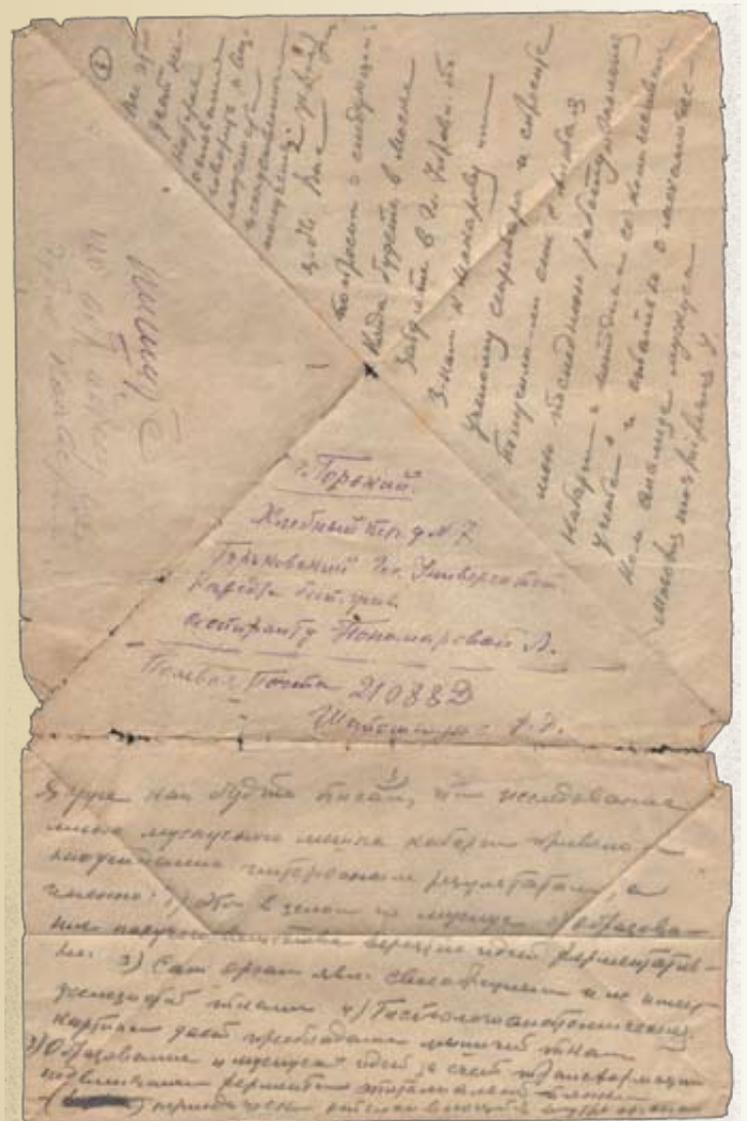
Ф.Д. Шапошников. 1940-е годы

можность. Через полгода будете кандидатом биологических наук, и в этой области дадите нашей родине больше, чем где-либо в другой месте.

На Ваше первое письмо из Карадагской биостанции я ответил очень обстоятельно, но к великому сожалению оно не было получено Вами. Большое Вам спасибо от меня — «лесного Пана», за заботу о Николае Александровиче (Покровском. — *Ред.*) Его стоит жалеть и заботиться, а не осуждать. Это для меня «вето». Он воспитал целую плеяду крупных и мелких биологов.

Теперь немного о себе, Лара. Видимо, я слишком много отдавал своего здоровья и сил для научной работы. Здоровье мое пошатнулось крепко, и теперь на фронте я чувствую себя тяжело и физически, и морально. Недавно подхватил гепатит и пишу сейчас из госпиталя. Откровенно говоря, я часто вспоминаю теперь скелет лошади, которая стояла у нас в у[ниверсите]те в вестибюле. На черепе какой-то озорник-студент сделал остроумную надпись: «И мы когда-то были рысачами!».

Хотелось бы увидеться с Вами, поговорить и передать Вам часть большого житейского опыта, который у меня накопился. Вы предлагаете мне чем-либо содействовать, Лара. Я бы Вас попросил о следующем: когда будете в Москве, зайдите

в Гл[авное] управл[ение] по З[аповедни]кам к Макарову или ученому секретарю и спросите, получили ли они с Алтая мою последнюю работу «Экология кабарги и методика ее количественного учета» и статью о механическом анализе мускуса *moschus moschiferus* L. Я уже как будто писал, что исследование мною мускусного мешка кабарги привело к неожиданному интересным результатам, а именно: 1) это в целом не мускус, 2) образование пахучего вещества, вероятно, идет ферментативно, 3) сам орган является своеобразным и не имеет железистой ткани, 4) гистолого-анатомическая картина дает преобладание мышечной ткани, 5) образование «мускуса» идет за счет трансформации под влиянием фермента эпителиальной пленки, периодически отслаивающейся внутрь органа. Все это дает некоторое основание говорить о возможности искусственного получения.

Ув[ажаящий] Вас
Подпись Ш[апошников]

М

4.06.88

Дорогая Лариса Анатольевна!
 Прошу простить, что с
 запозданием отвечаю на
 два Ваших письма. Апрель
 провел в санатории.
 Теперь перешел на более
 спокойную должность профессо-
 ра - консультанта (и пенсио-
 нера - 77 лет!), но все равно
 перестройка отнимает
 массу времени.
 На днях закончили
 коллективную работу «Рыбы
 Алтайского края». 9 июня
 лечу в Новосибирск выступи-
 ть оппонентом. И т.д.

Вы спрашиваете о
 Ф. Д. Шапошникове. Я тоже
 потерял с ним связь в конце
 50-х годов, когда получил от
 него несколько фотографий
 для «Основ экологии».

Б.Г. Иоганзен* Л.А. Пономарёвой

4 июня 1988 года

Дорогая Лариса Анатольевна!

Прошу простить, что с опозданием отвечаю на два Ваших письма. Апрель провел в санатории. Теперь перешел на более спокойную должность профессора-консультанта (и пенсионера — 77 лет!), но все равно перестройка отнимает массу времени.

На днях закончили коллективную работу «Рыбы Алтайского края». 9 июня лечу в Новосибирск выступать оппонентом. И т.д.

* Бодо Германович Иоганзен (1911—1996) — советский и российский биолог, ихтиолог. Доктор биологических наук (1944). Профессор (1945) кафедры ихтиологии и гидробиологии Томского государственного университета. Один из основоположников развития экологии как науки в СССР. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Ректор Томского государственного педагогического института (1964—1971).

Вы спрашиваете о Ф. Д. Шапошникове. Я тоже потерял с ним связь в конце 50-х годов, когда получил от него несколько фотографий для «Основ экологии».

Разыскал две его работы — автореферат кандидатской диссертации «Алтайский дикий северный олень» (1949) и статью «Географ[ия] распростр[анения] сиб[ирского] лесн[ого] северного оленя на Алтае» (1951).

Посылаю их Вам, может быть пригодится. Возвращать не надо.

Больше ничего о нем не знаю — ни о жене, ни о докт[орской] диссертации, ни о его смерти. Может быть, Вам что-нибудь сообщит о нем тюменец Игорь Семенович Мухачев (625045. Тюмень. Ул. Широтная, д. № 67, кв. 34), заведующий кафедрой гидробиологии и ихтиологии Тюменского университета. Напишите ему.

Желаю Вам успехов в розыске.
 С приветом
 Ваш Б. Иоганзен.

Разыскал две его работы
 - автореферат кандидатской
 диссертации «Алтайский дикий
 северный олень» (1949) и
 статью «Географ. распро-
 стр. лесн. сев. оленя на Алтае»
 (1951).

Посылаю их Вам, может
 быть пригодится. Возвращать
 не надо.

Больше ничего о
 нем не знаю — ни о
 жене, ни о докт. диссерта-
 ции, ни о его смерти.

Может быть, Вам что-
 нибудь сообщит о нем тюменец
 Игорь Семенович Мухачев
 (625045. Тюмень. Ул. Широтная, д. № 67, кв. 34),
 заведующий каф. гидробиолог. и
 ихтиологии Тюменского универ-
 ситета. Напишите ему.

Желаю Вам успехов
 в розыске
 С приветом
 Ваш Б. Иоганзен

100
1.0000

Федор Дмитриевич Шапошников родился 29 ноября 1909 года в Н. Новгороде в семье врача. Мать работала медицинской сестрой, секретарем-машинисткой, занималась домашним хозяйством.

В 1937 году с отличием окончил биофак Горьковского гос. университета.

Работал в Алтайском заповеднике (1938–1942). Участник Великой Отечественной войны. Служил на Ленинградском фронте в отделении химической защиты. Вышел в запас младшим лейтенантом санитарной службы. Имел две медали. С 1946 по 1949 год Ф.Д. Шапошников работал на биостанции ГГУ, в 1949–1951 годах – в Алтайском государственном заповеднике. 20 марта 1950 года Ф.Д. Шапошникову присвоили ученую степень кандидата биологических наук. Затем он работал в Мордовском (1951–1952) и Аксу-Джабалинском (заместителем директора по научной части, 1952–1955) государственных заповедниках. С 1 июля 1955 года работал в Тюменском государственном педагогическом институте старшим преподавателем, с 5 октября 1955 года – заведующим кафедрой зоологии. Принимал участие в расширении зоологического музея. 12 мая 1956 года ему присвоили ученое звание доцента. С 1 октября 1967 года по приказу ректора работал на должности и.о. профессора кафедры зоологии, продолжая возглавлять ее. В 1968 году представлялся к званию профессора, но не получил его. В 1969 году к 60-летию награжден Почетной грамотой Президиума Верховного совета РСФСР. С 1 сентября 1972 года – на пенсии.

Умер от онкологического заболевания 3 мая 1973 года в Тюмени, где и похоронен.

Ф.Д. Шапошников. 1970 год

Автор около 30 научных работ, в том числе:

- О совместном обитании выхухоли, ондатры и речного бобра. Зоол. журн. Т. XXVIII. 1949. № 4.
- К экологии и морфологии алтайского северного оленя. Зоол. журн. Т. XXXIV. 1955. № 1.
- Материалы к экологии кабарги С-В. Алтая. Зоол. журн. Т. XXXV. 1956. № 7.
- О солонцевании копытных животных в горно-таежном Алтае. Бюллетень МОИП. Т. LVIII (1). 1953.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И.М. ОЛИГЕРА*

Семья Шапошниковых состояла из шести человек: отец, Дмитрий Гаврилович Шапошников, был санитарным врачом, мать, Лидия Федоровна Шапошникова, медицинская сестра, и дети: старший сын Георгий (в семье его звали Зорькой), второй сын Евгений (Жека), дочь Ольга (Ляка) и младший сын Федор (Фека). Семья занимала второй этаж (4 комнаты) двухэтажного деревянного дома на Звездинке. Дмитрий Гаврилович любил столярничать, и в квартире была оборудована небольшая столярная мастерская. Фека тоже любил столярничать и вообще рукодельничать. Все мальчики также очень любили рыбалку и охоту. Старший сын, Зорька, послужил прообразом одного из героев известной повести А.Н. Формозова «Шесть дней в лесах». Впоследствии он окончил Лесотехническую академию в Ленинграде и работал инженером в авиационной промышленности. Второй сын, Жека, окончил лесной техникум в городе Ветлуге Нижегородской области, работал лесничим и погиб на фронте в 1941 году.

Фека учился в Политехническом институте, куда он поступил в 1930-м году. Здесь он учился весьма успешно и, вероятно, стал бы по окончании института хорошим инженером. Однако любовь к природе пересилила технику, и в 1932 году он вновь поступил на 1-й курс, но уже биологического факультета Нижегородского государственного университета. Здесь он учился с еще большим увлечением и вскоре стал заметной фигурой среди студенчества биофака. Поступивший на биофак в 1935 году профессор И.И. Пузанов избрал именно Федора Шапошникова гидом для ознакомления с местной природой, о чем он упоминает в своих мемуарах.

Олигер И.М. Славная десятка. Мои друзья-зоологи // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». 2010. Т. 23. С. 16–91.
http://birdchuvashia.ru/index.php/Олигер_И.М.

<http://www.altzapovednik.ru/info/publikacii/zapovednie%20ludi/shaposhnikov.aspx>

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И.М. ОЛИГЕРА*

Окончив университет в 1937 году, он был направлен на работу в Алтайский государственный заповедник. Условия жизни и работы там в то время были совершенно особенными.

Огромная территория заповедника (свыше 1 млн. га) представляла из себя хвойную горную тайгу, с многочисленными болотами, озерами и речками. Управление заповедника размещалось в поселке Яйлю, на берегу Телецкого озера, у его юго-восточного изгиба.

Природа заповедника была исследована лишь в общих чертах. Видовой состав фауны, размещение по территории, численность и её сезонные изменения для многих видов оставались еще совершенно неизвестными.

Таким образом, перед зоологом-натуралистом открылись широкие перспективы научной работы. Можно было выбрать любой вид или группу животных.

Федор Дмитриевич взял тему «Экология северного оленя». Про этого оленя известно было лишь то, что он встречается в заповеднике, но где и как, точных данных не было.

Первые походы по заповеднику Федор Дмитриевич предпринял вскоре после прибытия туда, в августе-сентябре 1937 года.

Лето 1938 года прошло в долгих странствиях по заповеднику в поисках оленей. При этом Федор Дмитриевич не раз с горечью убеждался, что оленями также и весьма успешно интересуются и браконьеры.

«08.07.38. Окрестности озера Итыкуль. В 200 м от устья Кара-Сулук есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно,

т.к. на ней постоянные стоянки сойотов* давностью 24 года. Вырублено около 120 деревьев (30–35 см, листвяк). Найдено 6 станок. На станах кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых оленей, из которых 2 молодых (по остаткам нижних челюстей с непрорезавшимися коренными). Остатков рогов нет, нет и шерсти. Кроме костей, принадлежащих оленям, найдены кости лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года — ранняя весна, апрель—май. Зверя били на зимовке. Признаки зимней охоты следующие: 1 — лыжи, 2 — настил для спанья из таловых веток с зимними почками, 3 — очень толстые срубленные деревья и остатки, показывающие, что костер служил для тепла (без тагана), 4 — ветровые застилы для спанья, 5 — отсутствие остатков рогов.

09.07.38. Кара-Сулук. О несомненном присутствии R.t. (Северный олень, лат. Rangifer tarandus, — Ред.) в прошлом говорят остатки убитых оленей на сойотских станах. Мне приходит в голову версия, что сойоты, узнав об организации заповедника, решили воспользоваться тем, что в начале его существования охрана и пограничная охрана фактически не существовали, поэтому, организовав «большую охоту», выехали в большом числе и истребили R.t. на его зимовке весной в большом количестве.

10.07.38. Гора Колык Таш. Звери тут зимуют, что и было сказано вчера на основании осмотра сойотских стоянок.

* Красным выделены фрагменты дневника Ф.Д. Шапошника

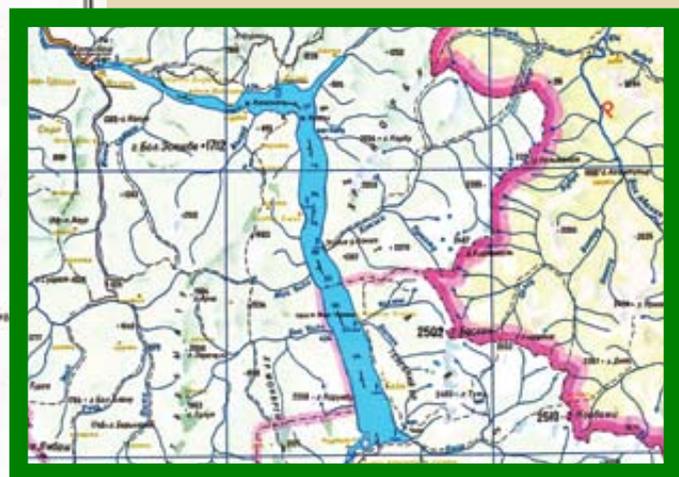
* Сойоты — коренной малочисленный народ, населяющий Окинский район Республики Бурятия. Представляют собой один из субэтнотипов в составе бурятского народа. Ввиду самобытной истории, начиная с Всероссийской переписи населения 2002 года, учитываются как один из коренных малочисленных народов Сибири. Википедия. — Ред.

Радуга над Телецким озером.
Фото Сергея Усика

Закат на Телецком озере.
Фото Павла Филатова (с. 134)

<http://www.altzapovednik.ru/>

Современная карта. Телецкое озеро и северная часть Алтайского государственного заповедника. Верховья р. Коэтру находятся за пределами заповедной территории. 2010-е годы

Схематическая карта Алтайского государственного заповедника, «составленная по архивным данным по состоянию на конец 1940 года». Приложение к «Летописи природы...». 1951 год

Северный олень. Фото <https://prirodasibiri.ru/>

Кабарга. Фото А.И. Фрейдберга

Марал. Фото С. Усика. <http://www.altzapovednik.ru/>

11.07.38. К Каза-Яду. Свежих следов R.t. нет. Найдены сойотские станы, оба с остатками убитых оленей, взрослого и молодого.

14.07.38. Итыкуль, верховья Каракема. По дороге весенние стоянки сойотов.

15.07.38. Верховья Каракема. Попалось три стана, один из них свежий. В верховьях Каракема, в кедряче нашли зимнюю стоянку сойотов, промышлявших белку.

16.07.38. Водораздел Нбян-Сору — Узункарасу. Прекрасные места для зимовки и для лета для R.t. Есть небольшое количество зимнего помета. R.t., безусловно, был, но жестоко выбит сойотами.

17.07.38. Верховье р. Ньянсору. На берегах озер есть весенние стоянки сойотов».

Убедившись, что олени есть, Федор Дмитриевич вскоре возобновил их поиски, теперь уже с целью понаблюдать за их поведением и попытаться добыть одного для музея (на что было получено разрешение Главка). Пережитые при этом приключения и переживания нашли свое отражение в дневниках и письмах.

«12.08.38. Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски. К вечеру вымотались вконец.

13.08.38. Ознеу (?), лог 3-х братцев, верховье р. Тушкен. Места для оленя не очень мне нравятся — мало ягеля. Раскинув палатку, позавтракав рано утром, мы с Федосеичем вышли на гольцы Коль-Тайги. Прохладный ветерок спускался от самых снежных пятен в зеленые долины, где пушистые вершины кедрячей принимали его в свои объятия с радостным шепотом. Солнце чуть золотило острые гребешки скалистых вершин. На траве лежал еще утренний иней.

Хорошо, свободно дышится в горах при такой погоде. Полной грудью вдыхаешь утреннюю прохладу. Жизнь идет. Медведи, маралы уходят на дневной покой. Северный олень и бун выходят кормиться. Когда мы залезли до первых снежных пятен, солнце начало уже припекать изрядно. Я знал, что олени держатся всегда в районе сохраняющегося снега, поэтому мы с Федосеичем тщательно пересматривали снежные поля. Вот на одном из них под навесом скалы в бинокль мы увидели следы. Оказалось, что снег был истоптан ногами большого оленя. След оленя нельзя спутать ни с одним следом другого зверя. Он индивидуален. Как резко индивидуален сам олень. У самой кромки льда, уже подтаявшего от ярких лучей, мы увидели свежий след. Мне необходимо было добыть систематический материал — безрогую самку. По следам трудно было установить кто это: самец или самка, один или много? Все было истоптано.

Мы пошли дальше — осторожно, против ветра.

Перед нами открылось величественное поле курумов. Огромные камни преградили путь. Целый час мы лезли 300 метров, пока достигли края хребта. Под ногами

метров за 200 синевой темнело озеро в каре. Из снежного пятна вытекал ручеек и падал с шумом, взбивая белую пену на глади. Справа зеленела долина Тушкена с разбросанными осколками зеркал — озер; еще ниже темнел густой кедрач, торчали серые, покрытые ягелем утесы, горизонт весь изрезан хребтами. Мы сели над озером и осмотрелись.

Сзади нас возвышался хребет. Острыми вершинами упирались три пирамиды в небо, — как три братца — мелькнула у меня мысль, и невольно поплыли воспоминания детства: братья, совместные походы, охоты, ученье в институте. Плывут миражом знакомые лица, встречи... Почти инженер. Затем ученье в университете. Теперь зоолог на Алтае. Федосеич прервал мои мысли легким толчком.

— Смотри — олень! — шепнул он, страстно вглядываясь в бинокль на курумы.

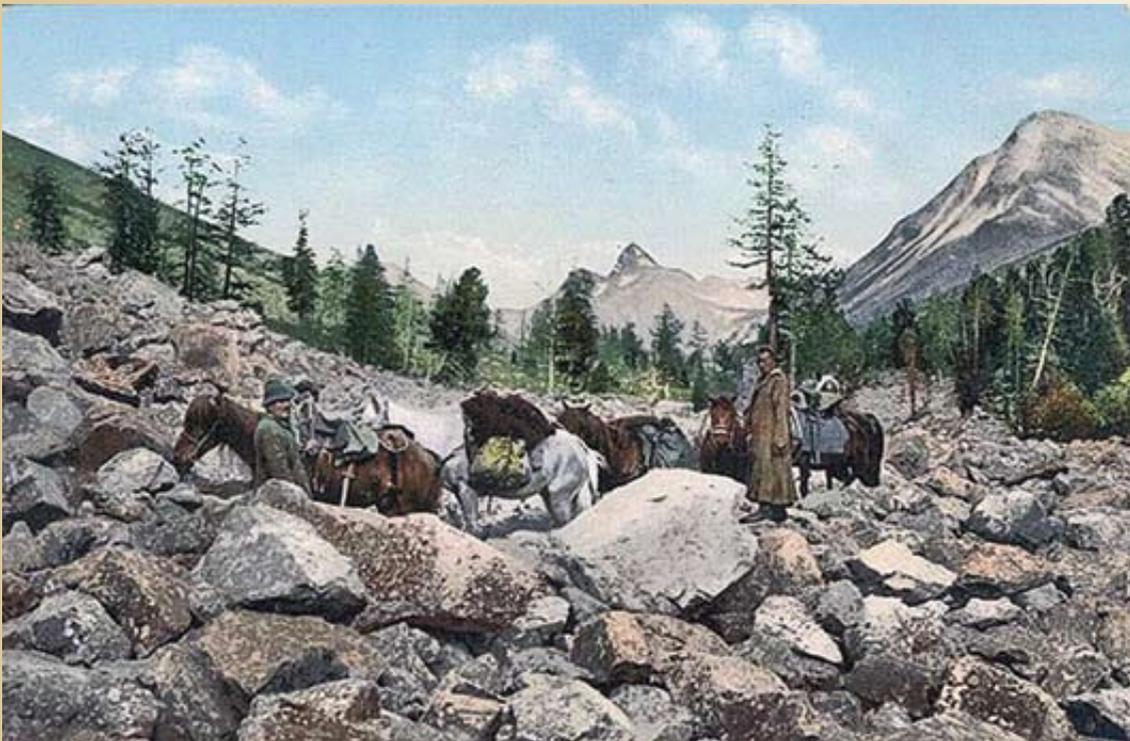
Я спешно потушил папироску и тщетно искал знакомые очертания. — Нет, не вижу. Давай ориентир.

— Вон он, около большого камня, спускается к еланке, — шепнул Федосеич, не отрываясь от бинокля. Таежные глаза острее моих городских. Из курумов под гольцами спускался на еланку северный олень, увенчанный короной. Сразу даже трудно было понять, что у него на голове. Я в жизни не представлял ничего подобного.

Федосеич шептал: «Вот так рога! Рога-то какие!». Он впервые видел оленя, и ему было еще дивнее, чем мне. Черный лоб, белая шея с отвесом длинных белых волос, серая спина, бок и брюхо белоснежные. Сзади снежный ком ослепительной белизны волос, разделенный темной полоской на хвосте. Черные концы ног, белые носки. Медленно, важно шел наш могучий красавец к зеленому полю. Не дошел, повернулся и направился к глубокому ложку, затемненному скалистой релкой. Постоял, нагнулся, подогнул передние ноги и лег. Рога точно лес. Дремлет и смотрит. Черной морды не видно на фоне березки.

Мелькнула мысль: надо попытаться сфотографировать. Дал Федосеичу условные знаки и скатился вниз. Вдруг олень встал. Ветер ли, играя, донес до него весть тревоги, сам ли захотел поесть? Пошел. Наклонился над зеленью и сощипывал верхушки травки. Я вернулся обратно. Олень шел к нам. Вечерело. Медленно подходил он ближе и ближе. Стал виден каждый отросток на изумительных рогах. Приготовлена «Лейка», жадно смотрим в бинокль. Внезапно дунул ветер от нас. Олень поднял голову и застыл. До него было метров 200.

Красавец-отшельник! Долго стоял изваянием. Нет, все спокойно. Мерным шагом стал спускаться вниз, где мы продирались через ивняк и березку, спотыкаясь о камни, там, где на конях ни пройти, ни проехать,

В курумнике. Фото С.И. Борисова (1867–1931) из путешествия по Алтаю (1907–1914).

<http://www.orthedu.ru/>

Курумы — древнетюркское qorut — каменные россыпи, обломки скал, валуны

шел ровным шагом отшельник, неся корону из бархата и кости. Прошел и перевалил через бугор. Мы бегом скатились метров на 300. Олень медленно шел по березке и рысью бежал по еланкам все ниже и ниже в долину Коэтру к перевалу. Мы бросились ему наперерез, но так, чтобы красавец нас не почуял. Летим, как птицы.

Вдруг, стой! — из-за кустов шагов за 40 видно концы короны. Вот он вышел и встал перед нами на фоне заката во всей своей красоте. Снять не успел. Он чувствовал опасность. Поднял свой белоснежный хвостик, рысцой спустился с бугра и побежал к перевалу, затем свернул в косогор, уже шагом скрылся под гольцами. Прощай, наш красавец! Стемнело. Мы вернулись ночью. Я потерял обе подметки от штиблет. Как хорошо, что Федосеич взял валенки.

14.08.38. Чуть брезжит. Коней седлаем. Надо проверить, ушел или нет. Надо осмотреть, где он пасся, надо узнать, где он провел ночь. Ветер утром дует с гольцов. Окрашены золотом вершины гор, а мы уже под гольцами. Белоснежный иней на траве. Надо теперь дожидаться, когда солнце накалит камни гольцов, и ветер подует из долины. Мы ведь теперь выше, чем олень. Проверили два перевала и район лежки и жировки оленя. Стали намечать дальнейший ход, чтобы сверху наблюдать за оленем.

Вдруг среди темной березки метров за 300 мелькнуло белое. Олень! Медленно поднимается красавец из кедрача-редколесья в курумы. Вот, подошел к скалистой рёлке с островками кедрачей и пропал. Нет, он стоит ниже деревьев и что-то щиплет, видимо, ягель. Поднимается выше и выше. Мы бросились за скалу, и засели в тени камней. Шаг за шагом все ближе наш олень. Затем внезапно свернул и очутился в тени угрюмых камней. Он слился с ними — пропал. Прошло минут двадцать, солнечный луч осветил белоснежную шерсть. Поднялся красавец, пошел к нам. У нас един-

ственное теневое место. Я знал, что он придет сюда. Все ближе и ближе. Я бросил бинокль.

На «Лейке» блестит телеобъектив. Руки дрожат, я чувствую зверя. Федосеич не отрывается от бинокля и шепчет: «Рога-то, рога-то!».

Да, это — рога! Нет, тебе суждено жить не свой срок. Ты заслужил жить сотню лет. И на тебя будут любоваться тысячи людей. Медленно шагая, поравнялся он с маленьким кедровым стланцем. Надо снимать, он в фокусе.

Щелкаю «Лейкой»... Ближе... Щелкаю еще и еще и перевожу дыхание. Руки дрожат, стук сердца как в барабан, шум в ушах. Вздогнул и встал, вперив прекрасные глаза на смертельных врагов. Расширились ноздри, направлены уши. Мотнул великолепной короной, повернулся в курумы и хотел могучим прыжком унести к скалистым гребням.

Нет, ты достоин служить для науки. Резко рвет воздух выстрел. Вскидывается красавец и в смертельном порыве стремится вниз. Волочится ранее могучее тело. Поток хлынула кровь из ноздрей. Зарылся красавец, с треском сминая кусты. Умирая, вперились очи в голубое небо. Уткнувшись в зеленый мох, лежу и больно мне за эту жертву науки. Перерастут тебя твои дети. Стадо будет огромно. Но не сгниют в неизвестности твои кости, не размоет белоснежную шерсть, не съедят тебя черви. Будут тобой любоваться годами».

Итак, цель достигнута, олень добыт. Схлынуло напряжение всех сил организма, позволявшее выдерживать трудности и напасти экспедиции».

И сразу дали о себе знать усталость и различные недуги. Вот запись, сделанная спустя три дня.

«...Сегодня 17 августа. Яркое солнце палит. Я лежу в палатке. Она стоит на высокотравной еланке на границе леса. Над нами громоздятся скалистые вершины

*Ф.Д. Шапошников
у добытого
северного оленя.
Фото Ф.Д. Шапошникова
из «Летописи природы
Алтайского заповедника
за 1936—1940 годы»*

М

со снегом. Шумит от ветра кедров, внизу говорит речушка Коэтру. Мы в Коль-Тайге — Дяраш-Тайге. Перед палаткой стоят вешала, на них сушится мясо. Мой спутник сидит у костра, режет белое сало и топит его в котелке. На мою кошму падает тень от великолепных рогов старика ирваса. Он был слишком великолепен. Я не видел равного по красоте нигде — ни в музеях, ни на снимках. Чудовищные рога! Они покрыты еще бархатистой шерстью. Мне трудно двигаться — болен. Плохо болеть в далекой тайге. Пять дней пути до жилья. Семь дней пути до фельдшера. Гудит голова. У меня карбункул на том месте, на котором сидят в седле. Видимо простудился. Хуже всего, что нельзя двигаться. Это был трудный путь до Коль-Тайги. Тропа шла по скалам. Нервничаешь, глядя на коней, ежеминутно могущих сломать ногу в курумах, завязнуть в болоте меж скал».

Когда, наконец, смогли тронуться с места, проявилась новая беда: совершенно изорвалась неприспособленная для таких походов обувь.

«21.08.38. Верховья р. Коэтру. С обувью опять беда. Штиблеты просят каши, а «новые» сапоги, о которых было уже за полгода слышно, что «идут», за три выхода почти отказали. Сделаны какой-то сволочью из сортирного говна.

25.08.38. Верховья р. Коэтру. На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Всё неподходящее. Нет спецовки, т.е. хорошей исправной одежды. На конях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну — идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. Сапоги развалились, а в штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой».

Видимо, с этим удалось как-то справиться, и путники направились к дому. И по пути пришлось пережить еще большую опасность.

«...Среди темного хвойного леса, замшелого и обросшего до кончиков веток бородачом, мрачного и сырого, крутая еланка выступает светлым кружевом. Как солнечный зайчик, пущенный на стену шалуном. Желтые, фиолетовые, голубые, розовые букеты цветов. Как из погреба вылезли мы на солнечный свет. Вдруг кони с храпом шархнулись. Сверху несется огромное, черное. С ревом вздыбился метров за двадцать медведь. Из оскаленной пасти через сверкающие клыки брызжет слюна. На задних лапах подходит все ближе и ближе. Мечутся кони. Курки шелкнули у карабинов. Ну, подходи! Молча стоим и смотрим. Огромное, жирное тело, темная шерсть трясется на складках. Развороченные слюнявые губы, на холке дыбом щетина. Не выдержал великан, опустился на лапы, сверкнул кровавым белком и медленно, обернувшись, поплелся наверх. Затем ошетинился, снова възграл и забрызгал слюной. И опять, глухо стелая, зашелестел травой. Ушел».

Ф.Д. Шапошников.
Верховья реки Коэтру.
15 августа 1938 года.
Архив Л.А. Пономарёвой.
Из фондов музея ННГУ
им. Н.И. Лобачевского

15/08/38.
Мох. ошарх.
Верховья Коэтру
Фед. Ш.

Бурый медведь. Фото А.И. Фрейдберга
(Алтайский заповедник. —
М.: Изд. «Планета», 1977)

*Телецкое озеро.
Вид с хребта Корбу*

*На Абаканском
Теплом ключе*

*Берег Телецкого озера.
Осиротевший медвежонок*

*Река Куензу при впадении
в Большой Абакан*

Поселок Яйлю на берегу
Телецкого озера. 2010-е годы.
<http://putevoditel-altai.ru/load/>

ИМ

*Вид из камгинского залива
на южную часть Телецкого озера*

*Конус выноса р. Аткечу.
Маралы на зимовке*

*Река Малый Шалтан.
Следы россомахи*

*Река Малый Шалтан. Голец Плоский.
Лесное болото зимой*

**«Летописи природы
Алтайского заповедника
за 1936–1940 годы».**
[http://www.altzapoved.ru/info/
nauka/letopisi.aspx](http://www.altzapoved.ru/info/nauka/letopisi.aspx)

ИНТЕРЛЮДИЯ

АРХАНГЕЛЬСК

Л.А. Пономарёва К.Е. Пономарёвой

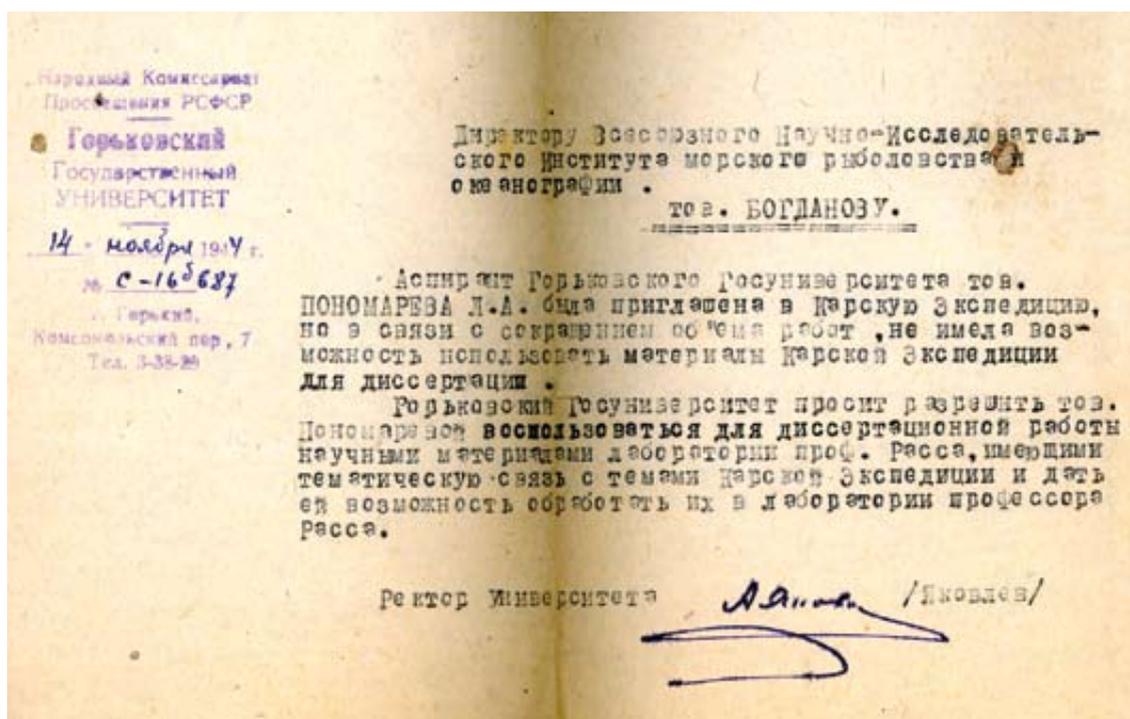
Архангельск. 12 августа 1944 г.

Дорогие Сережа и мамочка!

Завтра у нас в некотором роде «юбилей» - месяц, как мы здесь. А мне кажется — сто лет, будто бы давным-давно я живу в этом номере — 6 кроватей — 6 девчат. Давным-давно хожу между 8 и 10 завтракать, а между 1 и 7 обедать. Курсирую между гостиницей, ПИИРО (исследовательский институт), почтамтом, базаром, читальной и «Кашалотом». За этот месяц 2 раза была в бане, 2 раза в кино (оба раза ходила на «Джунгли») и не научилась ровно ничему, кроме того, как оформлять прием и разгрузку товарных вагонов. В общем месяц можно считать вычеркнутым из жизни. Здесь есть хорошие книги в магазинах. И новые, и букинистические. Таких книг не достать в Москве, а у нас в Горьком тем более. Я ведь всегда обрастаю книгами, как корабль ракушей. Так и на этот раз, чуть завелась у меня «полулишняя» копейка. Сережа, как мы были неправы. Не иди учиться в университет! Нет! Хватит одного научного работника! Будь хорошим агрономом или селекционером. Или учись на врача, или инжене-

ра. На кого хочешь! Но не на ученого! Я думаю, что до 30 лет дотерплю, а там — сменю пластинку. Хватит! Зенкевича не зря называют «адвокат от биологии» (он закончил до этого юридический вуз). Н-да, дядя. И все они. Спешу сообщить хорошую новость: раз в месяц, возможно, смогу давать о себе знать. Числа 15–18 мы, т.е. 14 девушек во главе с Зенкевичем и Колей (замыкающий), выедем пароходом в Хабарово. Ехать 4 суток — я думаю, даже больше. Там просидим «энное» количество времени, поджидая свои «каравеллы». Вчера было так называемое «производственное совещание», перед которым нас предупредили, что все сказанное уже решено и обсуждению с нашей стороны не подлежит. Итак, я на «Осетре», а со мной 2 дяди (так себе) и 3 тети. Одна из них — единственная женщина старший научный сотрудник — очень нудная, но говорят, что хороший работник. Другая мне меньше всех нравится — трескучая и ленивая. Третья — Люба — очень оригинальная девушка, я таких не видела, нескладная, ходит огромными шагами (сапоги 42), любит физический труд, произносит всего несколько фраз в день.

Целую. Л.

Народный Комиссариат
 Просвещения РСФСР
 Горьковский
 Государственный Университет

23 июля 1945 г.
 № У-9-16
 г. Горький
 Комсомольский пер. 7.

СПРАВКА.

Дана аспиранту кафедры зоологии беспозвоночных Горьковского Государственного университета тов. **ПОНОМАРЕВОЙ Л.А.** в том, что она стала кандидатские испытания при Университете со следующими оценками:

1. Немецкий язык	-	отлично
2. Зоология животных	-	отлично
3. Зоология	-	отлично
4. Диалектический и историч. материализм	-	отлично
5. Зоологии беспозвоночных	-	отлично
6. Английский язык	-	хорошо.

Подлинники протоколов экзаменов хранятся в деле тов. ПОНОМАРЕВОЙ в учебной части Горьковского Университета.

Ректор Ун-та (Яковлев) *подпись*
 Учебный секретарь (Довганя) *подпись*

ПРИМЪ : Горьковский Государственный Университет РСФСР
 10/8/45 *Ивану 25* *всех 3-х экз. сч.*
 Мотарь *Л.А. Пономарева* *Гос. историческая комиссия*
Л.А. Пономарева *заметительную работу*
 кандидатской работы с подлинником ее, представленным в
 контору

При сличении вост. экз. копии с подлинником впиской
 и черновик, подчисток, приписок, зачеркнутых слов
 и т.д. *не обнаружено.*

- 2 -
 1945 г. 19 июля

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
 Ученый Совет Университета
 АДРЕС: Горький, Комсомольский пер. 7.

ВЫПИСКА

из протокола № 7 от 13 июля 1945 года
 (Подлинный протокол хранится в делах Совета Университета)

СЛУШАЛИ: Защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук тов. ПОНОМАРЕВОЙ Л.А. на тему: "О взаимоотношениях серебряных осовидов рода *Clupea*".

ПОСТАНОВИЛИ:
 присудить т. ПОНОМАРЕВОЙ ученой степени кандидата биологических наук по специальности зоология беспозвоночных Г.Г.У. ПОНОМАРЕВОЙ Л.А. на тему: "О взаимоотношениях серебряных осовидов рода *Clupea*".

Директор Горьковского Государственного Университета /Яковлев/
 Учебный секретарь /Довганя/
 ВЕРНО: Учебный секретарь Совета Горьковского Университета *Ф. Лавина* /Довганя/
 13 июля 1945 г.
 Формат Горькоинграф. Заказ № 1039. Тираж 400 экз.

Л.А.Пономарёва. 1940-е годы

КОПИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Старшего научного сотрудника ВНИРО
Ларисы Анатольевны Пономаревой.

Л.А. ПОНОМАРЕВА окончила биофак Горьковского Государственного университета по специальности зоология беспозвоночных, получив диплом с отличием. Еще в студенческие годы она участвовала в одной рейсе "НИРОНИ" и работала в Астраханском Госзаповеднике, где ей была осуществлена небольшая экспериментальная работа. После окончания Университета она работала на Карадагской Биологической станции Академии Наук на Черном море в качестве гидробиолога, а затем в Средней Азии в качестве заведующей лабораторией, занимавшейся проблемами прикладной энтомологии.

Вдвух приглашена в аспирантуру на мою кафедру, она показала себя энергичным, толковым и прилежным аспирантом, легко разбирающимся в научных проблемах и прежде всего, прекрасным экспедиционным работником. По собственной инициативе она одновременно училась на очных курсах переводчиков.

Тов. ПОНОМАРЕВА успешно окончила аспирантуру, сдав все кандидатские экзамены на "отлично" и за несколько месяцев до срока. Прекрасно защитила диссертацию, которую, на мой взгляд, необходимо поскорей напечатать. Со студенческих лет тов. ПОНОМАРЕВА проявила ярко выраженную склонность к гидробиологии, особенно к морской исследованию. Не всегда отличалась инициативой и энергией, не случившись ни трудностями, ни неудачами.

Т. ПОНОМАРЕВА вполне достойно присвоила ей звание старшего научного сотрудника.

Доктор биологических наук
профессор ГГУ А. Непрасов

Печать Горьковского
Государственного университета

1946 29 апреля

Л.А. Пономарёва за рабочим столом в лаборатории. 1947 год

СССР

Форма № 2

ПРОПУСК ЖМ № 160994

Министерство внутренних дел
Управление милиции
Паспортный отдел
г. Москва
18. Мая 47.

Разрешается гр. Пономаревой Ларисе Анатольевне, 1917 г.
взъезд и проживание в Баренцево море
в составе экспедиции командировка
Цель поездки командировка
Вместе следуют дети, не достигшие 16 лет _____

Действителен при предъявлении паспорта _____
Г.И. № 746830
Срок действия пропуска 25 сентября 1947
Место выезда _____
Место выезда _____

Милиция (подпись)

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
Москва, Рождественка, д. 11.

ВЫПИСКА

из протокола № II от 25 октября 1946 г.
(Подлинник протокола находится в деле Высшей аттестационной комиссии)

СЛУШАЛИ:

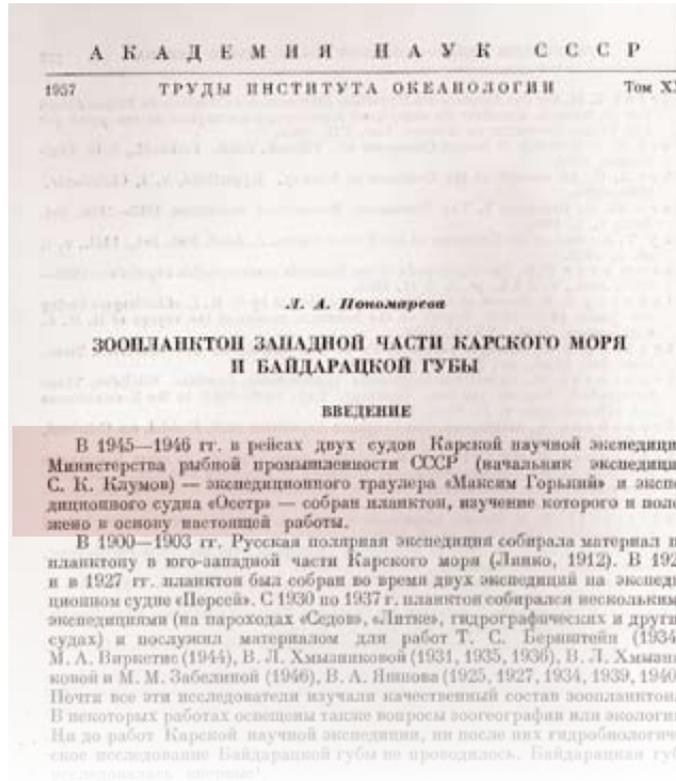
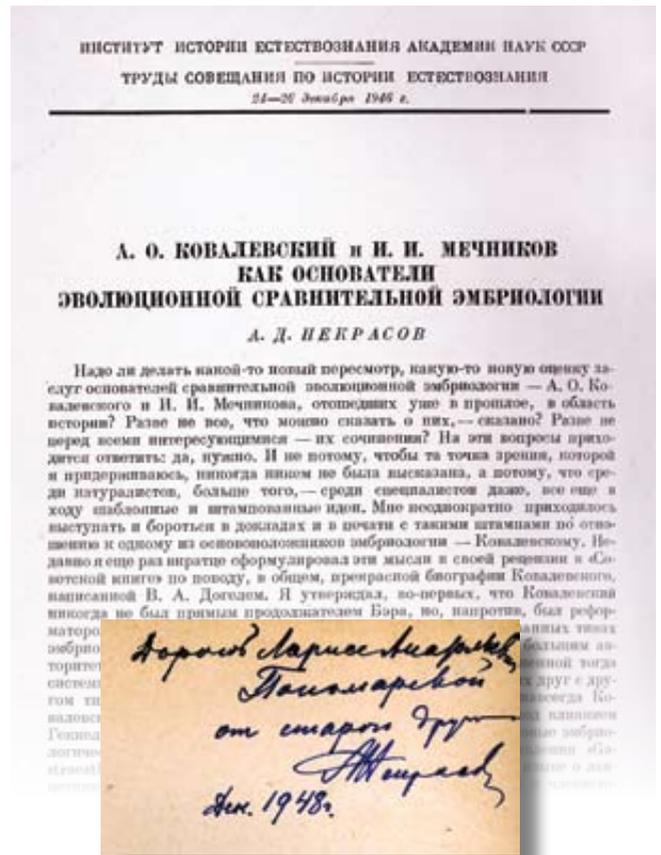
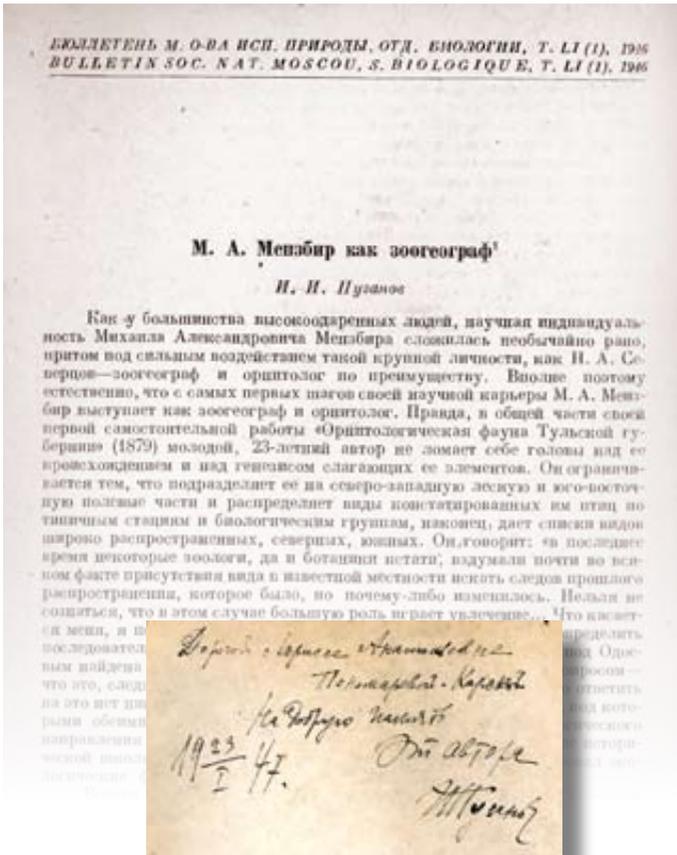
Об утверждении ПОНОМАРЕВОЙ Ларисы Анатольевны в ученом звании старшего научного сотрудника.
/Всероссийный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии/.

ПОСТАНОВИЛИ:

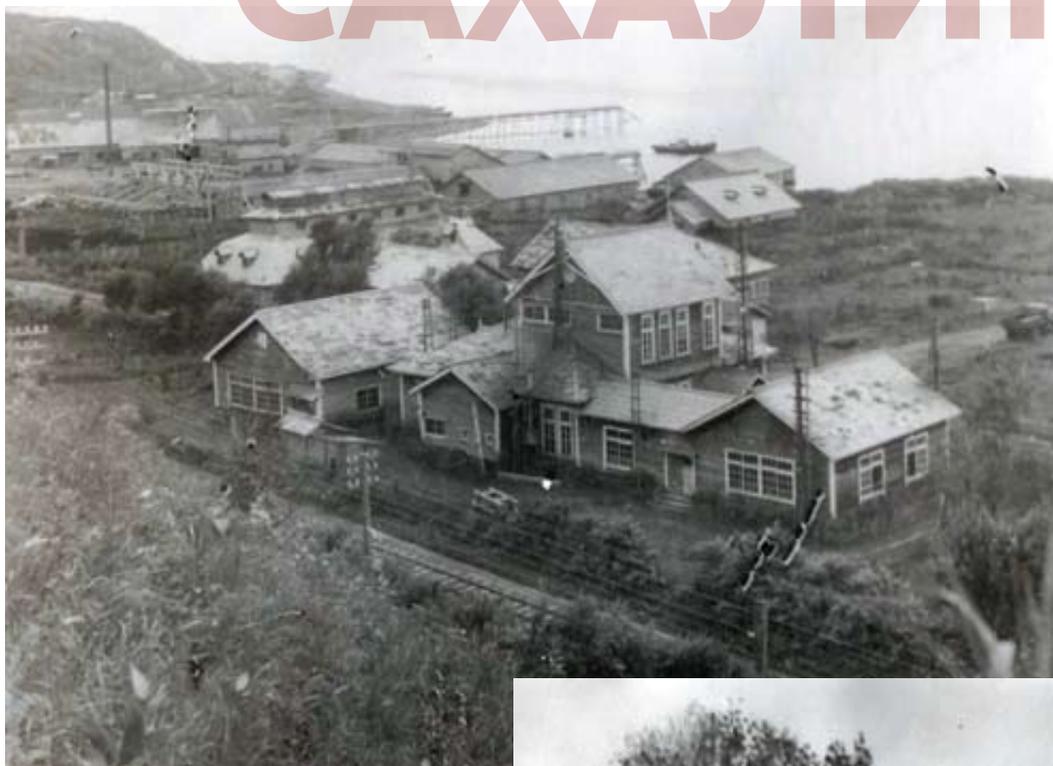
Утвердить ПОНОМАРЕВУ Ларису Анатольевну в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности "гидробиология".

Зам. Председателя Высшей аттестационной комиссии - А. Елагин
Ученый секретарь - М. Борисов
Верно: Ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии М. Борисов
/М. Борисов/

И.И. 1947 г. 619-3000

САХАЛИН

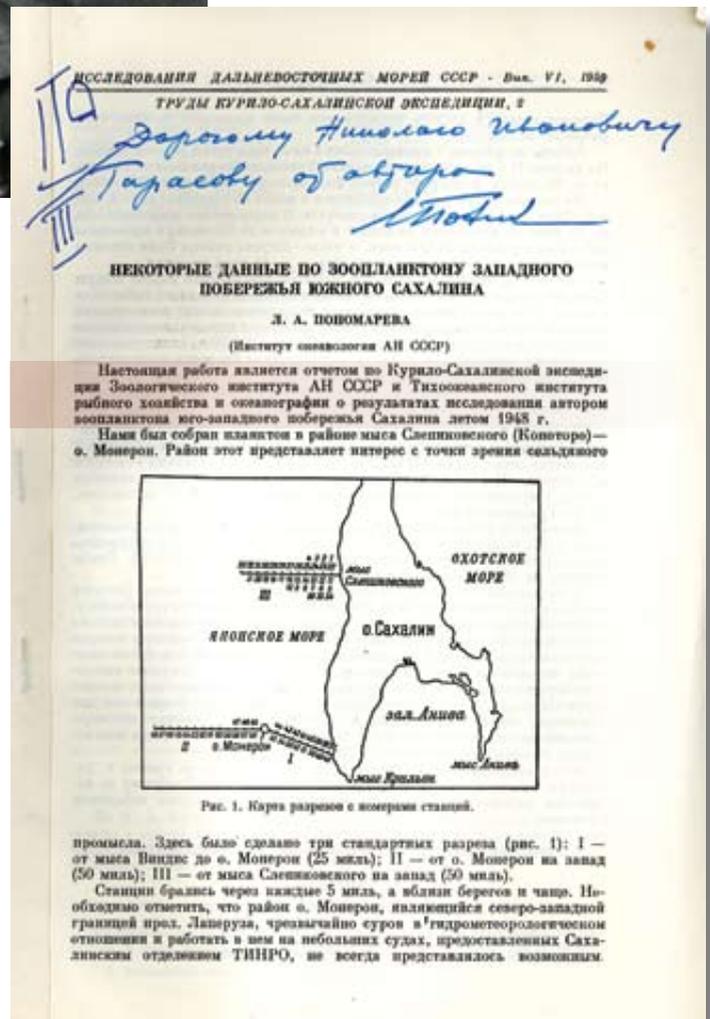
*Главное здание
Сахалинского отделения
ТИИРО со стороны
железной дороги.
1948 год. Из фондов ММО*

*Л.А. Пономарёва (справа)
в Сахалинском отделении
ТИИРО. 1948 год.
Из фондов ММО*

Рабочий момент на экспедиционном судне «Гидролог». Л.А. Пономарёва рассматривает пробы ихтиофауны. 1948 год. Из фондов ММО

И.И. Пузанов Л.А. Пономарёвой

19 декабря 1951 года

Дорогая Лора!

Очень рад был получить от Вас, наконец, оттиск работы, на которую я позволил себе сослаться, узнав от Вас, что она вот-вот выйдет из печати. Конечно, ее страшно обкорнали, и, прямо скажу, обесценили утрей литературного указателя. Вы имеете право требовать от издательства ГГУ, чтобы оно отпечатало этот список (думаю, что он уместится на одном листочке), для вложения как в полные тома, так и в оттиски. Ведь ГГУ компрометирует не только Вас, но и себя! Впрочем, утештесь! Недавно в ОГУ была защищена в качестве докторской диссертации тоненькая шпаргалка-учебничек, и тоже без малейших признаков лит. списка. Но ведь диссертант был генетик-мичуринец, а для них сейчас закон не писан.

Посылаю Вам свою жалкую печ.-продукцию: статейку об амфибореальности и рецензёйку на книгу Тарасова «Море живет». Вот Вам пример пользы дружественной критики: автор учел все мои замечания, и второе издание его прекрасной книжки вышло почти безупречным.

А вот с рецензией на далеко не прекрасную «Жизнь моря» Богорова дело что-то затягивается. Скажу Вам под секретом: я написал на эту халтурную книгу убийственную рецензию и послал в «Правду». Оттуда мне ответили, что рецензия моя находится «на рецензии». Боюсь, что высокое научное положение автора может воспрепятствовать ее напечатанью, но тогда я пошлю

ее в другое место! Но об этом — молчок! Понюхайте, чем дело пахнет, и если что узнаете — черкните. А фактически моя литпродукция огромна, но мои статьи и книги годами лежат без движения в Московских редакциях, которые, в общей сложности, должны мне около 100 000 руб. Помимо этого, наши университетские растяпы-хохлы прошляпали собственное издательство, которое с этого года ликвидировано. Я взял оттуда уже набранную статью и отправил в ХГУ. Напишите мне осторожно, какова причина краха гидробиологической конференции? У меня там заявлено 2 доклада, посланы и тезисы, и самый текст. Ходят слухи, что конференция вообще не состоится. Так ли это?

Большое спасибо Вам за то, что Вы информировали меня о замужестве Нины. Я так рад за неё! Такая чудная женщина пропадала. Но я на неё зол: шлет мне всякие поздравительные телеграммы, прислала оттиск работы (однако, с лит. указателем), но о замужестве — ни гу-гу!

На заповедном фронте — полный разгром. Из 110 заказников оставлено лишь 28! Кроме Алтайского, ликвидированы также Лапландский, Кроноцкий, Судзухинский, Алматинский и многие другие. При этом, площадь оставшихся сильно урезана: так, в случае Печеро-Ильчского — с 1 000 000 га до 75 000 га. Общая площадь заказников СССР теперь всего 1 300 000 га, а в Северной Америке — 75 000 000 га (у нас было больше этого!). Но об этом Вы ведь можете узнать в Москве.

Еще раз спасибо за селедку, и до скорого свидания!

И. Пузанов

Н.И. Тарасов. Море живет. — М.: Военно-Морское изд. НКВМФ СССР, 1951

Иллюстрации Н.Н. Кондакова

В.Г. Богоров. Жизнь моря. — М.: Молодая гвардия, 1950

«ВИТЯЗЬ»

На борту НИС «Витязь». Л.А. Пономарёва у лебедки. 1950-е годы

Трал для сбора животных, обитающих на дне моря

Отряд планктона НИС «Витязь». Л.А. Пономарёва – вторая справа. 1953 год

Сетка для сбора планктона

РЕДКАЯ НАХОДКА В ГЛУБИНАХ ТИХОГО ОКЕАНА*

Во время работ экспедиционного судна Института океанологии «Витязь» в северо-западной части Тихого океана в 1953 г. производились сборы планктона в Курило-Камчатской впадине (Тускарора). При этом была сделана весьма редкая находка — пойманы 3 глубоководных рачка-эуфаузииды, принадлежащих к виду *Thysanopoda cornuta* Illig. Этот рачок — самая большая эуфаузиида Мирового океана. Впервые он был найден в 1898 г. немецкой глубоководной экспедицией на «Вальдивии» в Северной Атлантике при вертикальном лове с 4000 м. Длина этого экземпляра была 85 мм. Затем он отмечался в тропических районах Атлантического океана. В коллекции Скрипсовского океанографического института (США) имеется экземпляр *Th. cornuta* 95 мм длиной, пойманный в юго-восточной части Аляскинского залива. Два экземпляра этой эуфаузииды, найденные советской экспедицией на 45°16' с.ш. и 156°14' в.д., были добыты ринг-тралами с диаметром входного отверстия 2 м, спускавшимися на глубину до 4000 м. Третий экземпляр был добыт южнее Малой Курильской гряды в лове с 4800 м. По указаниям зарубежных авторов, этот вид живет на глубинах от 1100 до 6000 м в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Все пойманные экземпляры — самки, 98, 92 и 68 мм длины. Один из рачков — самый крупный экземпляр из известных до сих пор. Длина борельных массовых видов эуфаузиид не превышает 30 мм, глубоководные виды достигают 50 мм, а антарктические — 40–50 мм.

* Журнал «Природа». 1957. № 5. С. 115.

*Thysanopoda
cornuta*

Только что пойманные рачки имеют ярко-красный цвет с более темноокрашенными жабрами. К сожалению, уже через несколько часов после поимки, при хранении в формалине и особенно в спирту, они выцветают.

Thysanopoda cornuta — по-видимому, единственный глубоководный вид среди эуфаузиид, биологически не связанный с поверхностными слоями воды, в отличие от других глубоководных эуфаузиид — *Ventheuphausia amblyops* и различных *Thysanopoda*. Вскрытие желудков показывает, что в пище последних часто встречается фитопланктон, а в пище *Th. cornuta* — только ракообразные.

Л.А. Пономарёва,
кандидат биологических наук,
Институт океанологии
Академии наук СССР (Москва)

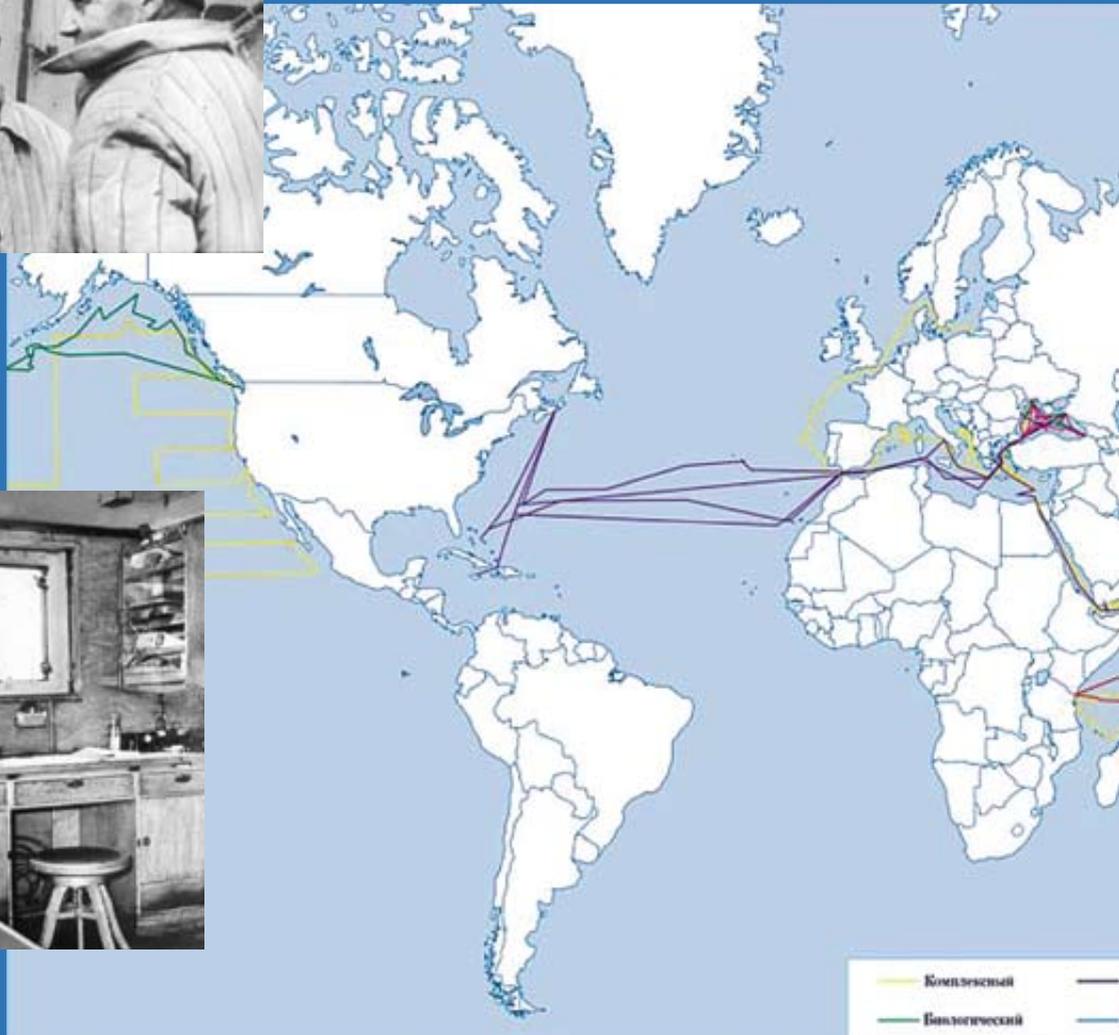
На борту НИС «Витязь».
1958 год

*Ветераны «Витязя»:
член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской премии
Л.А. Зенкевич, капитан
И.В. Сергеев, профессор
Я.А. Бириштейн*

*В четырнадцать просторных
и удобных лабораториях
плавучего института
есть все необходимое
для научных исследований*

*Карта специализации рейсов «Витязя». Ю.В. Степанчук. Вклад ученых НИС «Витязь»
в развитие океанологии (1949–1979 гг.) – Калининград: ММО, 2016*

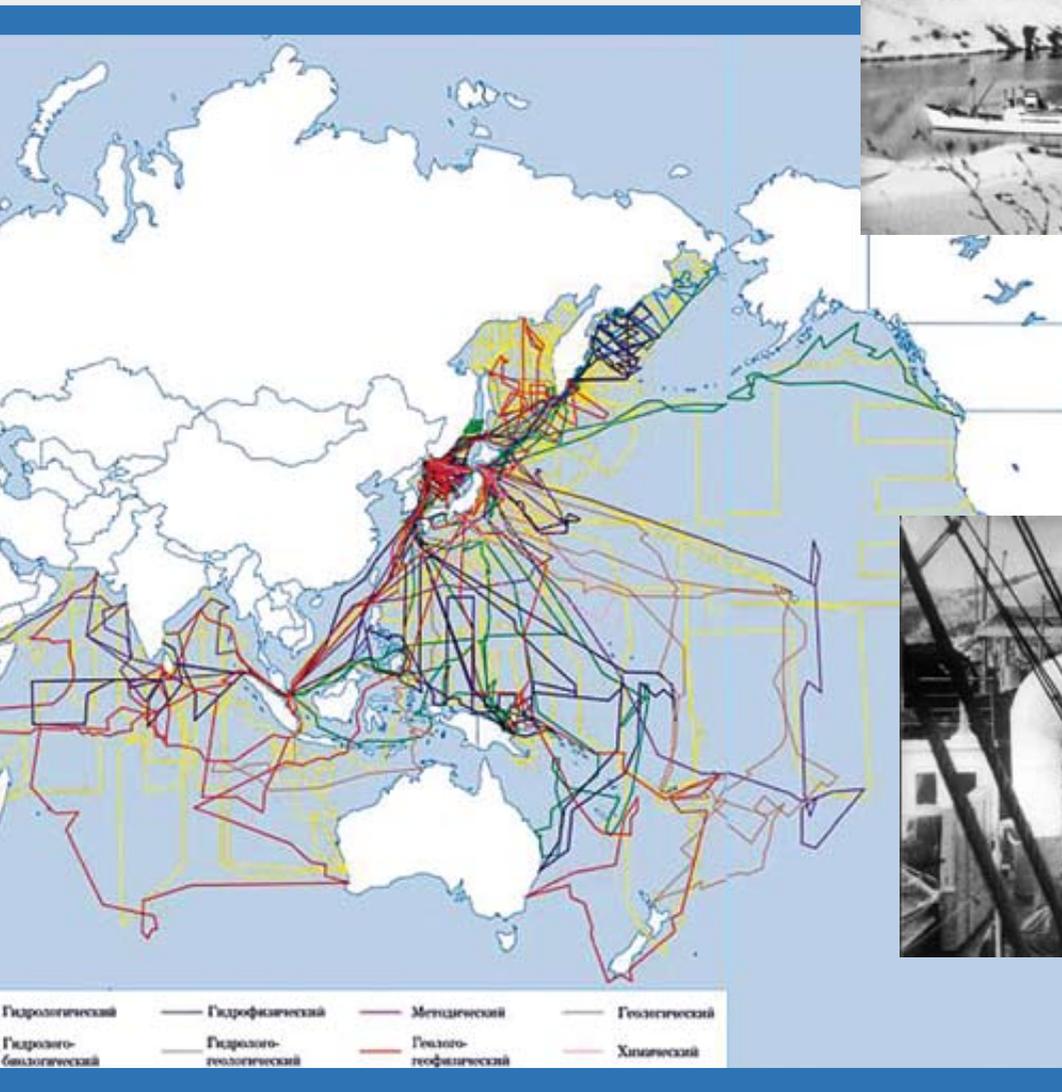
*Морская вода, поднятая с разных глубин,
поступает в гидрохимическую лабораторию
для определения содержания в ней кислорода,
углекислоты, разных солей и т.п.*

*Подводную фотокамеру
с телевизионным
видоискателем
готовят к работе*

*Пойманную на удочку
акулу лучше
рассматривать
на расстоянии*

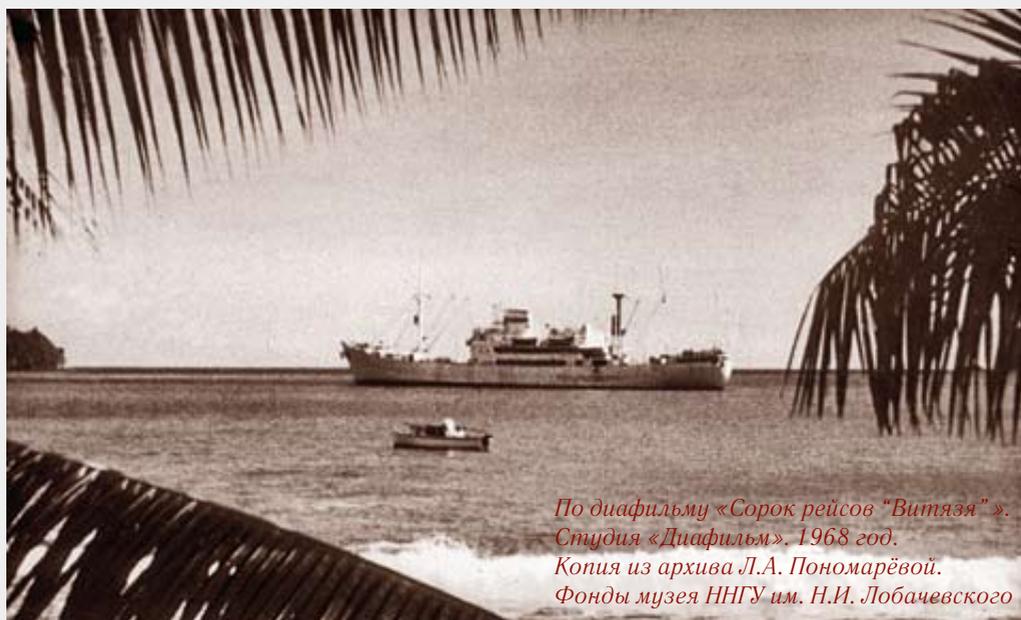

В 1949 году начался пятилетний период планомерного изучения наших дальневосточных морей. «Витязь» в бухте Глубокой (Восточная Камчатка)

В жестокие зимние штормы несли свою вахту ученые и моряки

«Витязь» прошел сотни тысяч миль в тропиках Тихого и Индийского океанов, совершив более 20 трудных и интересных рейсов. «Витязь» у Маркизских островов

По диафильму «Сорок рейсов "Витязя"». Студия «Диафильм». 1968 год. Копия из архива Л.А. Пономарёвой. Фонды музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Л.А. Пономарёва

НИС «Витязь» в очередной раз пересек экватор. Праздник Нептуна

НА АТОЛЛЕ ХЕРМИТ*

Л.А. Пономарева,
кандидат биологических наук,
В. И. Войтов.
Институт океанологии
Академии наук СССР (Москва)

Описания наблюдения коралловых островов часто встречались в исследованиях русских мореплавателей XIX в. Ч. Дарвин в работе «Строение и распространение коралловых рифов»¹ многократно ссылается на русских авторов — Литке, Беллинсгаузена, Лазарева, Крузенштерна, Коцебу, Лисянского и Хромченко, описавших и нанесших на карты Тихого и Индийского океанов большое число атоллов. Часть из них в то время получила русские названия — атоллы Меншикова, Римского-Корсакова, Волконского и др.

Весной 1958 г. экспедиционное судно Института океанологии Академии наук СССР «Витязь» проводило исследования по плану Международного геофизического года в западной части Тихого океана. 12 мая экспедиция посетила атолл Хермит, лежащий приблизительно в 90 милях к северо-западу от группы островов Адмиралтейства в Ново-Гвинейском море. В центре мелководной (глубиной около 20 м) лагуны атолла

расположено три сравнительно крупных острова вулканического происхождения; с внешней стороны лагуны окружена прерывистым кольцом барьерного рифа с тринадцатью коралловыми островами. В лагуну ведут три прохода; одним из них, пригодным для больших судов, и воспользовался «Витязь». Почти все острова и островки покрыты лесом, а на двух больших, кроме того, виднелись кокосовые плантации и полинезийские поселки. Остальные острова необитаемы из-за отсутствия пресной воды. Для натуралистов и географов «Витязя» необитаемые коралловые острова представляли наибольший интерес.

Со стороны лагуны цепочка коралловых островков окаймлена довольно широкой грядой внутрिलाгунных рифов, а со стороны океана — мелководьем, хорошо заметным по пене прибоя. За рифами, в непосредственной близости к берегу, начинается полоса кораллового известкового песка. С океанической стороны в этом ослепительно белом поясе виднеются серовато-зеленые плиты мертвого полипняка, обнажающиеся при отливе. За узким песчаным пляжем сразу же начинается многоярусная густая стена сочной, яркой тропической растительности. Преобладают стройные кокосовые пальмы с ожерельем крупных плодов. Мы находили массу орехов в разной стадии прорастания под пальмами и на берегу (кокосовые пальмы плодоносят круглый год). Вероятно, часть из них была занесена течением с других островов — орехи кокосовых пальм прекрасно переносятся течениями и сохраняют свою жизнеспособность до шести месяцев.

* Журнал «Природа». 1959. № 4. С. 71–72.

Кроме пальм, здесь произрастают панданусы, характерная для района Новой Гвинеи *Casuarina equisetifolia*, фикусы в виде гигантских деревьев и др. Все это настолько густо переплетено лианами, что проникнуть внутрь зеленого массива нелегко. В сыром полумраке чащи по подстилке из старых опавших листьев быстро бегали мелкие неуловимые ящерицы рода *Ligosoma*, с деревьев иногда падали менее расторопные гекконы, которые ловили насекомых — мух и перепончатокрылых. Встречались также стрекозы и изредка некрупные бабочки из семейства *Pieridae* и *Satyridae*, очень похожие на представителей тех же семейств в умеренном климате. Лес оживлялся криками скворцов и белых крачек, гнездящихся здесь на деревьях большими группами.

Но не даром эти острова были построены кораллами. Здесь все напоминало о море и его обитателях. Даже в лесу попадались мелкие раковины брюхоногих моллюсков сплотно сидящими в них раками-отшельниками (*Ragurus*). Раки эти встречались буквально всюду, они были основными обитателями острова. Песок на берегу и особенно у подножья кокосовых пальм был изрыт норками «пальмовых воров» (*Birgus latro*), употребляющих в пищу ядра кокосового ореха. Иногда на берегу и даже довольно далеко от берега, в лесу, попадались пустые раковины четырехжаберных головоногих моллюсков — наutilusов. Они закручены в одной плоскости и внутри поделены перегородками на камеры. Тело животного помещается в последней по времени камере (жилая камера), остальные заполнены газом. Все они сообщаются через маленькие отверстия, сквозь которые проходит трубчатый вырост тела. Наутилус очень характерен для тропической зоны Индо-Вестпафики; в лес его раковины, вероятно, затаскиваются крабами, которые время от времени попадались на берегу.

В зоне литорали, помимо крабов, раков-отшельников и скачущих рачков-бокоплавов из семейства *Talitridae*, живых гидробионтов попадалось мало. Это и понятно, так как в тропиках литоральная фауна выражена слабо — очень сильный прогрев солнцем, тепловая и ультрафиолетовая радиация мешает ее развитию; обычно здесь преобладают роющие формы. Но зато великолепно развита сублитораль, для знакомства с которой нами были использованы специальные маски для подводного плавания. Небольшие глубины и высокая прозрачность воды благоприятствовали нашим наблюдениям.

Для сублиторали тропических морей по сравнению с морями умеренных и холодных климатических вод характерно богатство животного мира и значительная бедность растительного вследствие сильного прогрева и резкой инсоляции. Верхний горизонт сублиторали занят преимущественно зелеными водорослями — в данном случае это были редкие и низкие кустики известковой водоросли одного из рифообразователей — *Halimeda*, селящейся на жестком грунте. Попадалась также красная известковая водоросль кораллина, встречающаяся преимущественно среди коралловых колоний. Наиболее характерная особенность верхнего горизонта сублиторали тропической зоны — коралловые рифы, особенно сильно развитые в западной части Тихого океана, в водах Ост-Индии и в Индийском океане. Кораллы-рифообразователи могут развиваться только в водах со среднегодовой температурой не ниже 23,5°C, не опускающейся ниже 20°C². Основные рифообразователи — это представители отряда мадрепоровых кораллов (*Madreporaria*). Обычно к ним добавляются *Milleporidae* (*Hydrozoa*), *Alcyonaria* из *Octocorallia*.

В образовании коралловых рифов участвуют также *Fungia* (грибовидный коралл) и органчик (*Tubipora*

Карта атолла Хермит. Жирной линией нанесен путь «Витязя» в лагуну

Берег атолла со стороны лагуны

**НИС «ВИТЯЗЬ»
ПОСЕТИЛ АТОЛЛ ТАРАВА**

musica) — эндемики Индо-Вестпафической зоогеографической области. Все эти формы (но преимущественно мадрепоровые кораллы) образуют отдельные мощные ветвистые или округлые группы, похожие на кусты или клумбы кремового, розоватого или фиолетового цвета. Красная известковая водоросль — лито-тамний в виде бурой, темно-красной или фиолетовой корки покрывает полипник. В образованных в отмершем полипнике пустотах и полостях скрываются крабы, полихеты, иглокожие, моллюски. Во время своих наблюдений под водой мы заметили, как многочисленные, преимущественно ярко окрашенные рыбы, входящие в биоценоз коралловых рифов, спокойно обкусывали колонии полипов и, испугавшись, быстро прятались в щели полипника. Среди них преобладали различные спинороги, оригинально окрашенные рыбы-попугай, представители семейства Tetradontidae. В более глубоких местах была замечена скумбрия (*Scomber japonica*). Попадалось много моллюсков, преимущественно брюхоногих — зеленые

Turbo; конические раковины в красных пестринах, используемые для получения перламутра; Trochus, играющие далеко не последнюю роль в экспорте Новой Гвинеи; желтые и пестрые Conus, укусы которых ядовиты; блестящие, напоминающие фарфор каури — Cirrea и Oliva, раковины которых раньше служили разменной монетой на островах Тихого океана. Встречались пластинчатожаберные моллюски — красноватый Spondilus и во множестве разного размера тридакны. Тридакна считается самым крупным из двустворчатых моллюсков: каждая створка ее раковины может достигнуть веса в 1 ц. Иногда тридакна содержит жемчуг, но обычно он не ценный, так как редко имеет правильную форму. Мясо тридакн вполне съедобно, в чем и убедились отдельные члены нашей экспедиции, приготовив на костре шашлык из огромной тридакны. Тридакны также входят в число рифообразователей, прикрепляясь к живому или мертвому полипнику; постепенно они могут полностью обрастать кораллами. Питаются они фитопланктоном, но тропические моря бедны им, и недостаток пищи тридакны восполняется тем, что внутри раковины ее симбиотически живет водоросль зоохлорелла, избыток которой идет в пищу моллюска.

Фауна кораллового островка-атолла Хермит даст представление о фауне таких же островков Тихого океана.

¹Чарлз Дарвин. Соч. Т. II. М.: Биомедгиз, 1936.

²См.: Л.А. Зенкевич. Фауна и биологическая продуктивность моря. Т. I. 1951. С. 394.

Фото из архива Л.А. Пономарёвой.
Фонды музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского

И.И. Пузанов Л.А. Пономарёвой.

4 декабря 1959 года

Дорогая Лора!

Я не отвечал Вам так долго, потому что письмо свое думал приурочить к посылке книжки «Карадаг», которую можно достать только в Киеве, куда я предполагал выехать в качестве оппонента одной диссертации, посвященной моллюскам С-З части Черного моря. Недавно я вернулся и привез Вам книжку, которую одновременно с сим и высылаю. Оформлена книжка великолепно, но по содержанию своему — дрянь. Говоря без лишней скромности, считаю удовлетворительными лишь очерки Пузанова и Дьяконова. Очерк Кетова с научной точки зрения — на высоте, но написан сухо и неинтересно. Очерки Смирнова очень плохи, особенно геологический. Куда ему, ихтиологу-промысловнику, браться за геологию!

Тем не менее, книжка стихийно раскупается, и, вероятно, будет раскуплена на месте, т.е. в Киеве: тираж её — 2000 экз., т.е. в 25 раз меньше Пузановской «Вокруг Азии». Интересно, что Крымская торговая сеть отказалась взять эту книжку под предлогом, что она «не раскупится». Это в Крыму-то? Идиоты. Так или иначе, Вы хорошо сделали, попросив меня купить для Вас книжку о Карадаге.

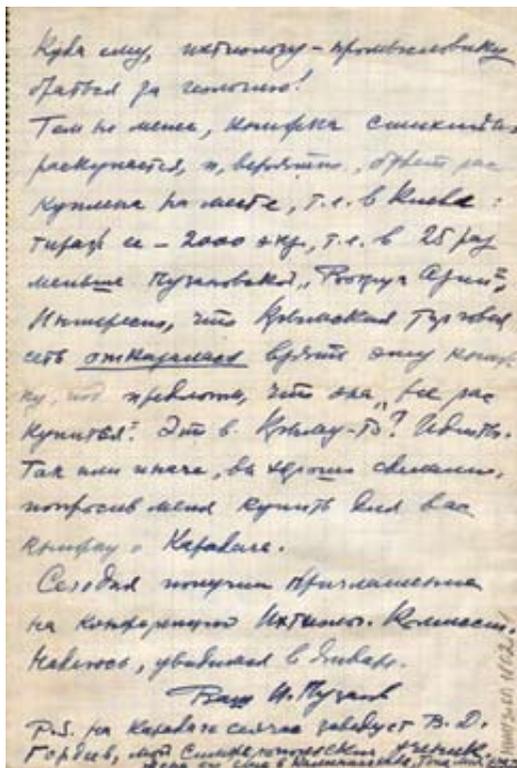
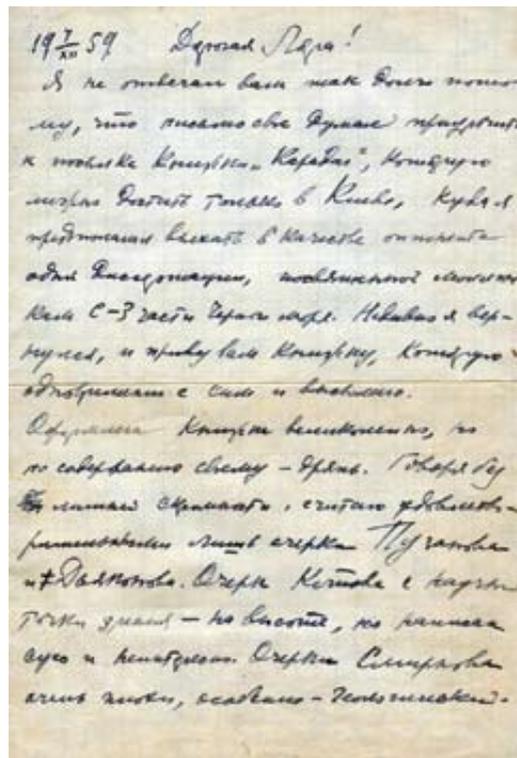

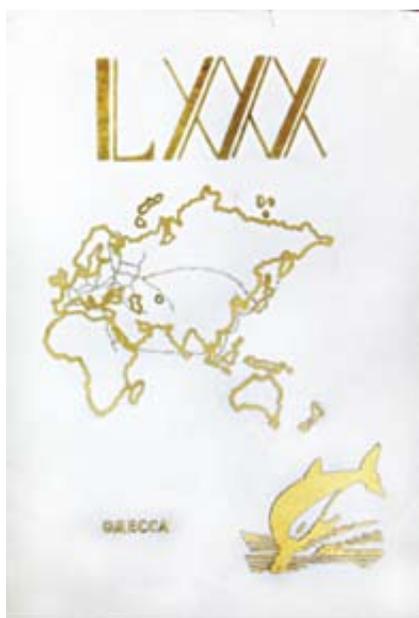
Карадаг. — Киев:
Изд. АН Украинской ССР,
1959

Сегодня получил приглашение на конференцию Ихтиологической комиссии. Надеюсь, увидимся в январе.

Ваш И. Пузанов

P.S. На Карадаге сейчас заведует В.Д. Гордеев, мой симферопольский ученик. Жена его еще в Калининграде, тоже моя ученица.

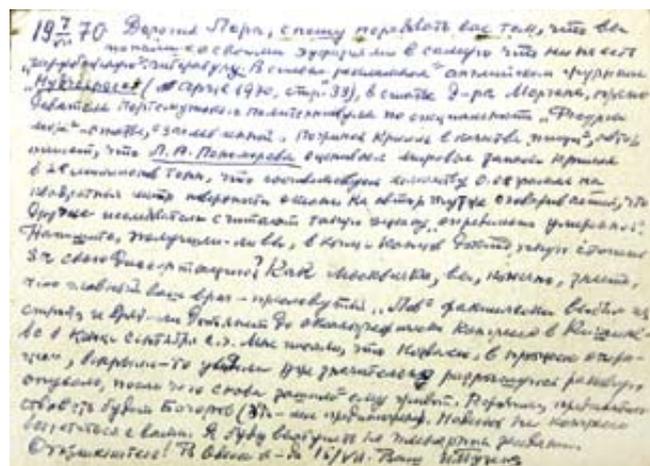
И.И. Пузанов Л.А. Пономарёвой.

7 июля 1970 года

Дорогая Лора,

Спешу порадовать Вас тем, что Вы попались со своими эуфазиями в самую что ни на есть «зарубежную» литературу. В сильно рекламном английском журнале «Hydrospace» (April, 1970, стр. 39) в статье доктора Моргана, преподавателя Портсмутского политехникума по специальности «Ресурсы моря», — статье, озаглавленной «Пожилая криль в качестве пищи», автор пишет, Л.А. Пономарева оценивает мировые запасы криля в 28 миллионов тонн, что соответствует количеству 0,08 грамма на квадратный метр поверхности океана. Но автор тут же оговаривается, что другие исследователи считают такую оценку определенно умеренной. Напишите, получили ли Вы в конце концов докторскую степень за свою диссертацию? Как москвичка, Вы, конечно, знаете, что главный ваш враг — пресловутый «Лев» — фактически выбыл из строя и вряд ли дотянет до океанографического конгресса в Кишиневе в конце сентября с.г. Мне писали, что когда его в процессе операции вскрыли, то увидели уже значительно разросшуюся раковую опухоль, после чего снова зашили ему живот. Вероятно, председательствовать будет Богород (это — мое предположение). Надеюсь на конгрессе встретиться с Вами. Я буду выступать на пленарном заседании. Откликнитесь! В Одессе я — до 15 июля.

Ваш И. Пузанов

«ДМИТРИЙ»

11-й рейс НИС «Дмитрий Менделеев». Ожидание всплытия автономного прибора «Дельфин»

МЕНДЕЛЕЕВ»

Позволю, раз уж зашла речь об этой экспедиции, ...сказать пару слов ...прежде всего, конечно, о людях. Среди 160 человек, населявших «Академик Курчатов» в его четвертом рейсе, были удивительные люди. <...> Это Лариса Анатольевна Пономарёва, доктор биологических наук Института океанологии. Поражала ее работоспособность. Тогда на судне не было специальной биологической лаборатории. Ларису, по моему предложению, подсадили в нашу лабораторию электроники. Нам довольно часто приходилось

подниматься глубокой ночью и исправлять какую-то технику (датчики и пр.), отказавшую в самый не подходящий момент при выполнении тех или иных зондирований. И, когда бы ни зашел, Лариса всегда за микроскопом. Вот старая уже — не спится. Так она оправдывала свою страсть к исследованиям. Как-то поймали каракатицу.

Это родственник кальмарам вид. Только каракатица более широкая, менее ракетобразная, чем кальмар. Она лежала на палубе, и ее крупные, почти человеческие глаза слезились. Она плакала. По-

номарева стала ее фотографировать и обмерять, а сама тоже плакала и все время просила поливать каракатицу заборной водой. Когда «наука» закончилась, она вопреки возмущенным возгласам рыбаков бережно взяла ее на руки (между прочим, каракатица весила не менее 5 килограмм), спустилась по крутому металлическому трапу на нижнюю палубу и выпустила ее в океан...

Владимир Пудов. 1968 год

<http://trevelreal.ru/okeaniya/galapagosy>

THE LEADER IS A WOMAN

Д-р Лариса Пономарёва, сотрудник Института океанологии Академии наук СССР, проверяет микроскоп при подготовке к 4-месячному исследовательскому рейсу в Антарктику

ЖЕНЩИНА-ЛИДЕР*

Доктор Пономарева — первая советская женщина-ученый, возглавившая исследовательскую группу в составе 71 ученого, которая будет проводить морские биологические исследования в Антарктике с советского научно-исследовательского судна (НИС) «Дмитрий Менделеев».

В группе исследователей на НИС «Дмитрий Менделеев» будут работать один новозеландец и два австралийца.

Д-р Пономарева сообщила, что основной целью исследований этого года будут неизвестные нижние слои желоба Маккуори.

Ученые будут собирать образцы планктона и морской воды, проводить исследования под антарктическим льдом.

Основная область научных интересов доктора Пономаревой — планктонные крабы, и она надеется изучить районы, через которые пройдет корабль.

«Однако я буду очень занята, — сказала она, — я стараюсь составить расписание так, чтобы у всех ученых было время для работы с нужным оборудованием. Программа этого года очень напряженная, а поскольку подобные исследования очень дороги, мы не можем терять время».

Это ее вторая поездка в район Антарктиды, первая состоялась в 1974 году.

В шутку она назвала свою жизнь «жизнью моряка», так как проводит много времени в морских экспедициях.

* NZ Wellington. 1976

Checking some of her microscope equipment in preparation for a four-month research trip to the Antarctic is Dr Larissa A Ponomareva, a member of the Soviet Institute of Oceanology and the Academy of Sciences.

Dr Ponomareva is the first Soviet woman scientist to lead a research party to the Antarctic — a 71-strong party of scientists which will carry out marine biological research from the Russian ship Dmitry Mendeleev.

With the group will be one New Zealand and two Australian scientists.

Dr Ponomareva said today the main aim of this year's research would be the unknown lower depths of the Macquarie Trench.

The scientists will also collect plankton and sea water

samples, and probe under the Antarctic ice.

The main field of research for Dr Ponomareva is plankton crabs, and she hopes to carry out investigations in the areas the ship will pass through.

"However, I will be very busy," she said, "as I try to keep a timetable organised so that all the scientists can get time with the various equipment."

"This year's programme is a very strong one — and as this type of research is very expensive we cannot waste time."

It is her second trip south, the last being in 1974.

Jokingly she referred to her life as "a life of a seaman," as she spends so much of her time at-sea.

16-й рейс НИС «Дмитрий Менделеев». Ловля рыбы. Веллингтон. Новая Зеландия

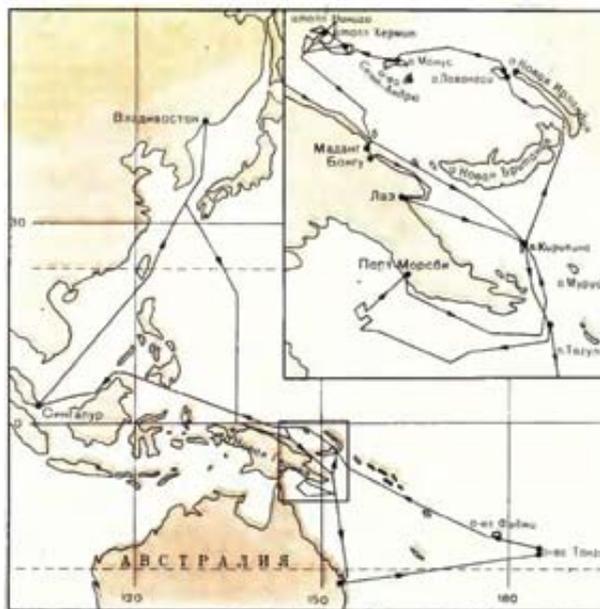
18-Й РЕЙС «ДМИТРИЯ МЕНДЕЛЕЕВА»*

С 31 декабря 1976 г. по 15 апреля 1977 г. проходил очередной рейс научно-исследовательского судна Института океанологии им. П.Л. Ширшова АН СССР «Дмитрий Менделеев». Основные задачи новой экспедиции были тесно связаны с изучением коралловых рифов. Общая площадь этих уникальных природных образований измеряется миллионами квадратных километров. В рейсе коралловые рифы и острова исследовались как с биологической стороны (изучение островных экосистем), так и с геологической (выяснение геологической истории океана). Кроме того, в рейсе велись работы по биофизике, ихтиологии, гидрологии, гравиметрии, ботанике, этнографии. Основным районом работ были выбраны рифы и острова Новой Гвинеи и Тонга.

В ходе эколого-фаунистического обследования было выяснено, что огромную роль в жизни рифа играют кораллобионты — организмы, которые или питаются коралловыми полипами, или находят в кораллах убежище. Основное количество живого вещества кораллобионтов находится внутри кораллового куста. Интересна видовая специфичность кораллобионтов к определенной форме куста. Последовательные наблюдения, проведенные в 1971, 1975 и 1977 гг. над восстановлением рифа около г. Маданга (Новая Гвинея), разрушенного землетрясением в 1970 г., помогли определить скорость роста кораллов, а также выяснить порядок и сроки смены основных групп организмов, которые участвуют в восстановлении рифа. Важные и трудоемкие исследования проводил литолого-геоморфологический отряд, занимавшийся сбором данных о влиянии относительных колебаний уровня океана на особенности рельефа коралловых структур и распределения донных осадков в прибрежных зонах островных районов. Для выполнения этой задачи осуществлялась высадка на острова различного морфологического типа, изучался рельеф береговой зоны, определялись высота террас и их геологическое строение, проводился сбор геологических образцов, а также изучение рельефа и осадков с применением геологических трубок, дночерпателей и аппаратуры для фотографирования дна океана с борта.

Геологи отметили, что все изучавшиеся в рейсе объекты относятся к переходной зоне от материка к океану. Острова этой зоны имеют более сложное строение, чем океанические. Сделан вывод, что в плейстоцене уровень океана был ниже современного, а в последние этапы четвертичного периода он поднялся выше современного на 2–4 м.

Биофизики использовали физические методы для изучения биологических процессов. Впервые была применена лазерная спектроскопия для определения количества пигментов фитопланктона (хлорофиллов) как на станциях, так и на ходу судна, а также введена

Маршрут 18-го рейса НИС Института океанологии им. П.Л. Ширшова АН СССР «Дмитрий Менделеев»

в практику аппаратура для сбора информации об оптических свойствах воды. Параллельно биологи вели обычные работы по определению первичной продукции (количества углерода, поглощенного фитопланктоном), подготавливая основу для работ биофизиков. Изучалась биолюминесценция планктона и свечение коралловых рифов. Благодаря специально разработанной аппаратуре было установлено, что светят не сами кораллы, а живущие в них кораллобионты.

Гидрологи, помимо работ, обеспечивающих выполнение задач отрядом биофизиков, провели исследования, имеющие большое самостоятельное значение.

Анализ результатов, полученных ими во время работы на гидрологическом «кресте» (четыре разреза) через атолл Ниниго, позволил сделать вывод, что основной причиной аномального движения вод вокруг острова может быть прибрежная ветровая циркуляция, приводящая к локальному подъему глубинных вод, богатых биогенными элементами. Таким образом, оказывается, что основой жизни в лагуне атолла и на его склонах является органическое вещество, приносимое из глубинных слоев океана. Хотя такая теория еще нуждается в подтверждении, внесен ощутимый вклад в решение проблемы существования посреди «пустыни» тропического океана «пятен», богатых жизнью.

Основной район ихтиологических исследований — северное побережье Новой Гвинеи и соседние острова — был до сих пор мало изучен в отношении глубоководной ихтиофауны. Сейчас к уже известным здесь видам добавилось 176 ранее не встречавшихся. Попутно было произведено паразитологическое изучение

* Природа. 1977. № 11. С. 153–154.

рыб и некоторых беспозвоночных. Большой материал собрал отряд этнографов. Полученные ими сведения позволят выявить и проанализировать социально-экономические процессы, происходящие на островах Океании, с точки зрения перспектив развития стран этого региона. Наибольшее значение имеют данные о тенденциях развития аграрных отношений в Папуа Новой Гвинее. Получены также материалы по этнографии Тонга.

Уникальные коллекции составлены ботаниками: помимо огромных гербариев собрано более сотни живых

растений (многих из них нет в СССР). Интересный материал получен по почвенной зоологии. Собрано также большое число музейных экспонатов по зоологии и этнографии. Таким образом, комплексные исследования, проведенные во время 18-го рейса, вносят ценный вклад в познание экологии и геологической истории коралловых островов и рифов в одном из районов Тихого океана.

1

2

3

*43-й рейс НИС
«Дмитрий Менделеев».
1989 год.
1, 2. Забор воды.
3. Спуск ринг-трала*

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «ВИТЯЗЯ»*

Л.А. Пономарёва,
доктор биологических наук

Ветеран исследовательского флота

В русском флоте в разное время было три судна, носящих гордое имя «Витязь», и все они имели отношение к исследованию океанов. Здесь речь пойдет о последнем из них, советском «Витязе». Он — наследник традиций, продолжатель дел своих предшественников: «Витязя» первого — корвета, на котором проводил свои исследования еще Н.Н. Миклухо-Маклай, и «Витязя» второго, плававшего под славным флагом адмирала С.О. Макарова. Русский адмирал внес большой вклад в изучение океана, а его знаменитая книга так и называется «Витязь» и Тихий океан» (часть этой книги — «Океанические работы» — была переиздана уже после второй мировой войны).

Но «Витязь» не только продолжатель традиций. Его плавания — целая эпоха в советской океанологии, эпоха, продолжавшаяся тридцать лет. В 1949 году, в трудные годы, когда наша страна еще не залечила раны, нанесенные войной, Советское правительство передало Академии наук СССР судно для исследовательских работ в море. И какое судно! Водоизмещением в 5700 тонн! Оно казалось огромным, поражало красотой, удобствами и, конечно, своими возможностями. Раньше на вооружении советской океанологической науки был один лишь «Персей», сделавший более 80 рейсов преимущественно в Западную Арктику («Земля и Вселенная». 1970. № 3. С. 50—58. — *Ред.*), да небольшие рыболовецкие суда, арендовавшиеся на короткое время. Но если на «Персее» (он был потоплен немецкими бомбами в 1941 году) могло находиться только 12 научных сотрудников и 24 члена экипажа, то на «Витязе» работало, включая экипаж, более 127 человек. Судно имело 14 лабораторий, 7 лебедок системы «Океан», траловую и глубоководную лебедку. С «Витязя» можно было опускать приборы на любую глубину.

Восемь лет «Витязь» плавал в дальневосточных морях нашей страны, заходя в соседние с ними районы Тихого океана. На Дальнем Востоке еще не видели такого размаха океанологических работ. За эти годы были составлены схемы течений, температуры и солености, карты грунтов. Удалось также выяснить состав и распределение живых организмов в водной толще и на дне. И с первых же рейсов судна начались открытия. Экспедиция, изучавшая осенью 1949 года Курило-Камчатскую впадину, достала с глубины 8000 м моллюсков, иглокожих, ракообразных, а ведь считалось, что глубже 2000 м жизни в океа-

НИС «Витязь»

Маршрут последнего плавания «Витязя»

не нет. Позднее биологи «Витязя» исследовали все впадины и разломы в Тихом и Индийском океанах и везде обнаружили живые организмы. В 1957 году во время Международного геофизического года судно развернуло сначала комплексные, а потом и специализированные работы и в Индийском, наименее исследованном к тому времени океане.

Позднее с борта «Витязя» была впервые определена максимальная глубина Мирового океана (в Марианской впадине 11 022 м), составлена точная карта донного рельефа в Тихом и Индийском океанах, дана схема основных течений, открыты подводные впадины и горы (в том числе возвышенность «Витязя»). Биологи, плававшие на «Витязе», не только доказали существование жизни на максимальных глубинах, но описали и новый тип морских беспозвоночных — погонофор («Земля и Вселенная». 1967. № 5. С. 44—52. — *Ред.*), составили карты-схемы распределения зоо- и фитопланктона, донных организмов.

* Земля и Вселенная. 1980. № 4. С. 58—62.

Спуск дночерпателя «Океан»

Колонка осадочных пород, извлеченная из грунтовой трубки

Им удалось также выявить определенные зоны в вертикальном распределении фауны и показать биогеографическую зональность океана («Земля и Вселенная». 1974. № 4. С. 73–79. — *Ред.*).

Велик вклад «Витязя» и в практику: именно «Витязь» обнаружил скопления сайры на Дальнем Востоке, которая вскоре стала там одной из основных промысловых рыб. Были составлены карты распределения икры промысловых рыб в Беринговом и Охотском морях, схемы распределения кормового планктона. На «Витязе» также впервые разрабатывалась новая методика геофизических, сейсмоакустических, геохимических, биологических исследований. Число статей, сборников, монографий, основанных на материалах экспедиций «Витязя», достигает многих тысяч. Их венчает серия монографий под общим названием «Тихий океан» с фотографией знаменитого судна на обложке («Земля и Вселенная». 1978. № 3. С. 12–18. — *Ред.*).

В последние годы «Витязь» плавал не только в Индийском и Тихом океанах. Он бороздил воды Атлантики, участвуя совместно с советскими и американскими судами в международной программе исследования океана ПОЛИМОДЕ («Земля и Вселенная». 1979. № 4. С. 63–67. — *Ред.*).

На «Витязе» прошли хорошую исследовательскую школу молодые океанологи, многие из которых впоследствии стали крупными учеными. Здесь кроме советских океанологов работали специалисты из многих

социалистических стран, а также из Индии, Австралии, США, Японии, Англии и т.д.

«Витязь» часто был посланцем мира и дружбы в разных странах и нередко посещал места, где никогда еще не видели советских людей. «Витязяне» были первыми представителями нашей страны на Новой Гвинее и островах этого района, архипелаге Гильберта, Новых Гебридах, Таити, Гавайях.

Прощальный рейс

Время шло, и в феврале 1979 года мы встретились с ветераном в Новороссийске. Ему предстояло совершить свое последнее плавание. Многие из нас не были на «Витязе» давно, и теперь вместо красавца перед нами был старичок, правда, как говорят, «со следами былой красоты». Суда старятся, как и люди... 17 февраля состоялись торжественные проводы: под оркестр курсантов морского училища мы покинули Новороссийск, и вскоре горы в его окрестностях спрятались за беспокойным февральским морем. Впереди были Марсель, Барселона, Лиссабон... И в Средиземном море, и Иберийской котловине Атлантики нас ждала работа.

О глубоких впадинах Средиземного моря известно немного. В распоряжении океанологов стран этого региона совсем нет судов, с которых можно было бы проводить глубоководные измерения, — таких судов, как «Витязь». В Средиземном море мы исследовали почти все впадины, встречавшиеся по курсу. В результате геологи, геохимики и биологи получили много интересного материала. Особенно повезло биологам. В донной фауне они нашли много новых для Средиземного моря видов животных. Не отстали от них и ихтиологи, собравшие несколько видов батипелагических рыб, которые живут в тех слоях, куда уже не поступает солнечный свет (на глубине 6–7 тыс. м). Планктонологи же вначале не ожидали найти что-либо действительно интересное. Но вот в Лионском заливе вода в пробе оказалась зеленоватой. Под сильным увеличением удалось обнаружить желтоватоголубые клетки, очевидно, те загадочные «оливковые клетки», биологическая природа которых пока не ясна...

«Витязь» стоит на станции... Сначала работает левый борт — гидрологи, геологи, планктонологи, потом правый — спускают дночерпатель бентосники. Затем дают малый ход и опускаются орудия, работавшие на ходу, — разноглубинный трал и донный трал, различные сети. Собранный материал обрабатывают тут же, в лабораториях, и в Москву обычно привозят готовую научную продукцию — отчеты и статьи. Словом, все, как в обычном рейсе. И все же никто не забывает, что этот рейс «Витязя» последний...

Мы посетили многие страны. Побывали на Андумской биологической станции, университете и Центре подводных исследований в Марселе, в Институте рыбной

*Макет каравеллы Колумба
в Барселоне*

промышленности и метеорологической станции в Барселоне, Институте рыбного промысла, университете, биологической станции, Гидрографическом институте в Лиссабоне, в Морском биологическом отделе Британского музея в Лондоне, в таком же отделе и Совете по изучению морей в Копенгагене. Сотрудники этих учреждений, в свою очередь, тоже побывали на «Витязе», ознакомились с его лабораториями и оборудованием. Кроме встреч с учеными в каждом порту устраивались пресс-конференции, где руководители экспедиции рассказывали о достижениях советской океанологии, знакомили слушателей с нашей научной литературой. Почти в каждом порту нас посещали люди, интересующиеся жизнью нашей страны.

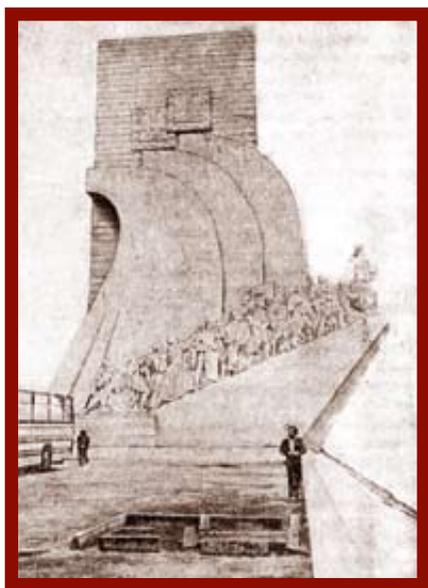
Невозможно рассказать о всех встречах и всех городах. Но расскажем о Лиссабоне, потому что еще не так давно Португалия, долгое время не имевшая дипломатических отношений с Советским Союзом, оставалась для нас страной неизвестной. «Витязь» был первым советским научным судном, посетившим Лиссабон. Здесь повсюду сохраняется память о великих соотечественниках-мореплавателях, и хотя сам город лежит не на океанском берегу, а на реке Тахо, океан здесь присутствует незримо. Еще не зайдя в порт, мы увидели белоснежный замок XVI века — Белем. Он стоит у самого уреза воды и немного напоминает Ласточкино гнездо в Крыму. Отсюда королевский двор когда-то провожал в плавание галионы и каравеллы. Неподалеку другой памятник, уже современный, но поставленный в честь событий пятисотлетней давности. Это памятник знаменитому принцу Генриху Мореплавателю, который в XV веке, хотя сам и не выходил в море,

но был организатором путешествий для поиска новых земель. Памятник представляет собой нос старинного корабля, вдоль которого стоят мореплаватели. Его называют памятником навигаторам.

Подальше от берега реки высится красивое длинное здание, богато украшенное резьбой и каменными статуями. Это — монастырь св. Иеронима, построенный по приказу того же Генриха Мореплавателя в начале XVI века. Как монастырь он не функционирует уже давно, но сам собор — действующий и в нем можно увидеть две мраморные гробницы — Васко да Гама и поэта Камонса, правда, чисто символические. В помещениях монастыря размещены два музея — морской и этнографический.

Самое древнее здание в городе — замок св. Георга (XII в.). Здесь помещается туристическое бюро и нечто вроде маленького зоосада с птицами, а вокруг — небольшой парк. Очень интересны в городе тротуары, они выложены небольшими квадратными камешками или керамикой, преимущественно светлой. Иногда из темно-серого камня выложен узор или номер дома. По узким улицам, «взлетающим» вверх и резко «падающим» вниз, бегают трамваи — наиболее распространенный здесь вид транспорта.

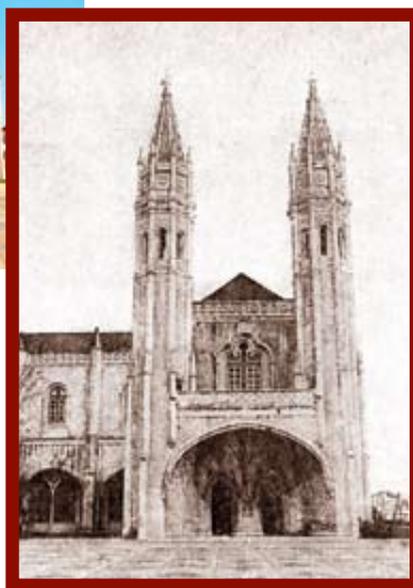
Дома в городе в основном старые, современных гигантов из стали и стекла почти нет. Иногда кажется, что время здесь остановилось. Но это только кажется. Португалия живет бурной жизнью, что отчетливо видно по надписям на стенах и каменных заборах, отражающим напряженную борьбу различных политических партий. Многие из них, в том числе и фашист-

Памятник навигаторам в Лиссабоне

*Музей этнографии,
размещенный в бывшем
монастыре св. Иеронима*

ские, в целях маскировки используют коммунистические лозунги и эмблемы, ведь фашизм в Португалии теперь не популярен.

Лиссабон был единственным портом, где во время стоянки на борту «Витязя» все время находился полицейский, и где пропуск для посещения судна надо было получить в полиции. Тем не менее к нам приходили и ученые из Института рыбного промысла, и члены Общества дружбы с СССР, и простые португальцы...

Вечером 27 марта сияющий огнями Лиссабон остался позади. Приближалось 1 апреля — 30-летний юбилей «Витязя» — и на борт его поступали все новые и новые поздравления. Поздравления от Президиума Академии наук СССР, от ЦК ВЛКСМ, от видных ученых, от старых и молодых «витязян», от всех, кто хотя бы раз каким-то образом «прикоснулся» к «Витязю».

...Позади Лиссабон, Лондон, Копенгаген. Позади отчаянная качка в Бискайском заливе, опаснейшие крошечные туманы Зунда, во время которых только чудом суда не налетают друг на друга. Но старик «Витязь» не подвел. 24 апреля 1979 года он подошел к Калининграду. Здесь закончился его последний 65-й рейс и... его жизнь как научного судна. Вскоре на «Витязе» будет устроен океанологический музей.

SM

*Научно-исследовательское судно
«Витязь» в Музее Мирового океана
(г. Калининград)*

«Московская правда»

10 апреля 1980 г.

Награды Родины

За большие заслуги в развитии наук о Земле, активную общественно-политическую деятельность и в связи с семидесятилетием со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР наградил академика **Федорова** Евгения Константиновича орденом Ленина.

За успехи, достигнутые в проведении океанографических экспедиций, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями СССР наиболее отличившихся работников научного исследовательского судна «Витязь» Академии наук СССР:

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ — **Буркова** Валентина Алексеевича — старшего научного сотрудника Института океанологии имени П. П. Ширшова, **Гончаренко** Александра Александровича — заведующего отделом Института океанологии, **Гринберга** Владимира Михайловича — заведующего отделом Института океанологии, **Зенкевича** Никиту Львовича — заведующего группой Института физики Земли имени О. Ю. Шмидта, **Корта** Владимира Григорьевича — заведующего лабораторией Института океанологии, **Остроумова** Эспера Александровича — старшего научного сотрудника Института океанологии, **Попанина** Ивана Дмитриевича — начальника отдела морских экспедиционных работ президиума Академии наук СССР, **Пономареву** Ларису Анатольевну — старшего научного сотрудника Института океанологии, **Снопкова** Владимира Георгиевича — старшего научного сотрудника Института океанологии, **Удинцева** Глеба Борисовича — заведующего лабораторией Института физики Земли;

ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА» — **Арсеньева** Владимира Соломоновича — старшего научного сотрудника Института океанологии, **Баринова** Леонида Петровича — механика Института океанологии, **Белая** Георгия Михайловича — старшего научного сотрудника Института океанологии.

Встреча одноклассников. Л.А. Пономарёва — 4-я слева. 1985 год

Фото Л.А. Пономарёвой

Л.А. ПОНОМАРЕВА М.М. РУДАКОВОЙ

Дорогая Маруся!

Спасибо тебе за письмо и за подробное описание Четвериковских чтений. Хотя я и не ботаник, но мне было интересно читать это письмо.

Я тебе ответ задержала, как и Тамаре, но ей успела написать, а на другой день заболела — что-то, не то ОРЗ, не то легкий гриппок. Очень тяжелые были три последних месяца: тут и авария с атомомобилем, и целая куча всяких других аварий — с самолетами и др. А у меня 17 октября убили племянника ночью на улице. Это страшно, когда не своей смертью. Остались мать, сын с семьей и сестра с семьей. Летом умерла приятельница, с которой мы лет 20 катались на лыжах. Я познакомилась с ней в Закарпатье, на турбазе Дома ученых — тогда у меня еще не было дачи, и я летом ездила по этим турбазам.

Итак, в Москве у меня количество родственников уменьшается, особенно мужчин. Да и с оставшимися (более 10 человек) я подерживаю отношения только с 2–4.

Оказывается, у Веры гостила Ира Суханова, которая приезжала уже второй раз в Нижний в поисках по своей генеалогии. Вера мне об этом не писала. Я очень надеюсь, что она не ознакомила Иру со своим опусом в отношении меня. Если он (опус) появится в нашем институте, мне придется немедленно уходить, хотя отношения с шефом как раз более-менее нормализовались.

После ремонта решила разобрать залежи книг, бумаг и фото. При этом нашла обе Верины рукописи — ту, которую она мне показывала — я еще сделала там огромное количество поправок фактических ошибок, дат и т.д. А также ту, которую она опубликовала, хотя не собиралась. Я бы никогда не дала согласие на публикацию этой рукописи. К сожалению, поправки она не вняла и они перешли все в печать. Правда, эта рукопись вдвое меньше. Но страшно не это, а Верины ремарки и рассуждения. Например, что «Лору не огорчила смерть её школьных товарищей». Она имела ввиду Мишу Д. и Милу Р. А как бы огорчила, когда Миша был жив, когда она это писала. И вот так по всему тексту. Я тебе не писала, что для меня это был ужаснейший стресс, от которого я отошла только в сентябре. Дача мне, конечно, много помогла, несмотря на неважное лето. Да тут еще

М.М. Рудакова

ремонт, который у меня затянулся чуть не на два месяца (и до сих пор еще не покрашены трубы). Потому что у меня под кухней банк, и они к себе рабочих не пускали, а значит, они и у меня не могли закончить.

Жду, когда похолодает на улице. Дома слишком тепло, хотя батареи еле теплые. Все три окна квартиры выходят на юг, а стены — дом 14-этажный — очень толстые.

Ты в Москву приедешь ли когда-нибудь?

Заниматься генеалогией или воспоминаниями мне не хочется. Может, потому что еще кое-что пишу по специальности. А вот что хорошо бы сделать — привести в порядок мои рейсовые дневники. Вот Вера лучше бы из них что-то взяла, тем более, там моя личность не выпячивается. Я ведь терпеть не могу привлекать к себе внимание.

Обнимаю Л. 3 ноября 2000.

Л.А. Пономарева на даче в Подмоскowie. 2000-е годы

P.S. Публикуя материалы к биографии Ларисы Анатольевны Пономарёвой, мы осознаем, что охватили только малую часть документов, хранящихся в фондах Музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Музея Мирового океана (г. Калининград). Написание научной биографии Л.А. Пономарёвой требует тщательного изучения архивных документов. Надеемся, что со временем найдется человек, заинтересованный и способный осилить эту тяжелую работу.

Мы признательны Н.М. Акимушкину и Т.Е. Калининной за переданные в Музей ННГУ материалы о Л.А. Пономаревой.

Благодарим сотрудников ММО за помощь и доброжелательное отношение к нашей работе.